

СОКРОВИЩА МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

А С А Д Е М И А
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
М С М Х Х Х I

ПОП и МУЖИК

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

под редакцией и с предисловием
Ю. М. СОКОЛОВА

А С А Д Е М И А
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД,
МСМХХХІ

**ТИСНЕНИЕ НА ПЕРЕПЛЕТЕ, СУПЕР-
ОБЛОЖКА И ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ
РАБОТЫ ХУД. Л. С. ХИЖИНСКОГО**

**2-я тип. Транспечати НКПС —
Ленинград. Ул Правды, 15.
Л е н и н г р а д с к и й
Областлит № 64085
Тираж 5000 экз.
Зак № 8157

Ю. СОКОЛОВ

С К А З Ъ И О П О П А Х

Пушкин в своей сказке «О попе и работнике его Балде» прекрасно схватил основной тон крестьянских сатирических сказок о попах. Написал он ее (в 1831 г.) и признался друзьям: «Это так, дома, можно, а ведь цензура не пропустит» (Воспоминания Смирновой-Россет). И, действительно, сказка увидела свет лишь через четыре года после смерти поэта — в 1840 г., при том в страшно искаженном виде: Жуковский ради цензуры изменил ее, устранил попа как действующее лицо, заменил его купцом и переделал заглавие сказки. В течение нескольких десятилетий сказка печаталась под таким нескладным заголовком: «Сказка о купце Остолопе и работнике его Балде». Лишь в 1882 г. Ефремов для своего издания сочинений Пушкина решился восстановить подлинный текст. Вся эта история с Пушкинской сказкой весьма знаменательна. Она показывает, что и поэт и, с другой стороны, правительственная цензура остро ощущали социально-политическую значимость народных сатирических сказок.

Отчасти благодаря цензуре, отчасти господствовавшим реакционным направлениям в самой науке о фольклоре, в разнообразных слоях читательской публики царил взгляд на устное поэтическое творчество широких народных масс (прежде всего крестьянства) как на нечто в социальном отношении нейтральное, имеющее лишь специальный филологический и, так сказать, историко-археологический интерес. Между тем фольклор был насыщен мотивами социальной борьбы, в самой среде, создававшей и потреблявшей его, играл определенно роль,

организирующую классовое сознание. Лишь классовый (преимущественно дворянский) состав собирателей и издателей фольклора да указанный пресс цензуры мешали правильному и полному выявлению этой стороны фольклорного творчества. Так до нас (и то больше в позднейших пересказах) дошла, конечно, сравнительно малая часть противобарских рассказов эпохи крепостного права. Этим же объясняется и неполнота сказочного репертуара.

В знаменитый сборник «Народных русских сказок» Афанасьева (1855—1864) включено было чрезвычайно малое количество рассказов о попах. Вследствие существовавших цензурных условий Афанасьев принужден был выпустить за границей особый сборник «Заветных сказок». В этом сборнике, правда, большинство сказок нецензурны в смысле неприличия, выраженного или в отдельных непристойных словах или в подчеркнута эротических, порнографических мотивах. Однако неверно было бы думать, что все «Заветные сказки» именно поэтому не могли увидеть света в обычном издании: ведь Афанасьев, в соответствии с научными воззрениями своего времени, допускал пропуски и даже легкую стилистическую обработку и, следовательно, мог в несколько переработанном виде напечатать и многие из «Заветных сказок». Ясно, что дело было не в эротизме: эротизм и крепость выражений были в значительной мере лишь усилителями социально-сатирического тона сказок, направленных то против бар, то против духовенства.

Цензурные условия колебались по времени и месту. Например, изданные в Киеве в 1876 году «Малорусские народные предания и рассказы» Драгоманова заключали в себе довольно большое число откровенных сказок о попах, а вышедший в Харькове через

14 лет сборник «Сказок и пословиц» Манжуры принужден в более скромных текстах слово «поп» печатать сокращенно с точками. Например, одна сказка озаглавлена в сборнике так: «П... молодыця та цыган». Иногда из-за цензурных формальных условий отдельные фразы приходится читать как ребусы: «П... и дума соби: „ну, стий же, я тебе у ц... выстрамлю“», что (в русском переводе) должно означать: «Поп и думает про себя: „ну, стой же, я тебя в церкви осрамлю“». В другой сказке: «...жинка дома заставалась, та прынадыла до себе и п..., и д..., и дяка», т.-е. «попа, дьякона и дьячка». Для дьячка сделано было исключение, вследствие незначительности его сана.

В XX веке, после 1905 года, стало возможным более свободно печатать подлинные фольклорные тексты. Однако и тут приходится делать некоторые оговорки. Изданный в 1909 году сборник «Северных сказок» Н. Е. Ончукова дал большое количество сказок с ярко выраженной социальной сатирой и без какой-либо стилизации или подкрашивания. Но как Ончукову, так и через несколько лет мне с братом при издании «Сказок и песен Белозерского края» пришлось переживать немало неприятностей из-за резких нападков со стороны охранительно настроенной части академической среды. Дело дошло даже до того, что, хотя сборник наш был издан Академией Наук, пришлось изъять его из продажи. Академия была принуждена ограничиться только рассылкой по ученым лицам и учреждениям. Сборник был пущен опять в продажу только после революции. Другие собиратели, или по доброй воле, или предотвращая неприятности, производили известный отбор текстов для печати и таким образом не давали должного представления о живом фольклорном репертуаре.

Однбокое представление о сказочном творчестве, будто бы преимущественно фантастическом, уводящем от правильного понимания реальной общественной жизни, от развертывающейся в ней классовой борьбы особенно настойчиво культивировалось и прививалось средней школой. Если взять наиболее распространенные в свое время гимназические учебники (Незеленова, Смирновского и др.), то в отделах, посвященных изложению и характеристике сказок, главное внимание уделялось фантастическим моментам, мистически-легендарным, морализующим или развлекательно-приключенческим, во всяком случае реально-бытовая и социально-классовая сторона сказочного творчества игнорировалась почти совершенно. Этим между прочим я склонен объяснять и живущие до сих пор в педагогической и читательской среде предубеждения против сказок. Стоит вспомнить ведшийся недавно в специально педагогической и общей печати спор о сказке и ее значении в художественно-воспитательном отношении. В этом споре как противниками, так зачастую и сторонниками сказки упускалось из виду, что сказочная фантастика своеобразна, что она включает в себе социально-бытовые корни, что в своеобразном преломлении сказка ярко воспроизводит социальную реальную жизнь со всеми ее между-классовыми и внутри-классовыми противоречиями.

В наших современных литературоведческих дискуссиях так остро поставлена проблема социальной активности художественного творчества. В фольклоре можно найти огромный материал, доказывающий, что в различных слоях деревни и города, вместо письменной литературы пользовавшихся устным словом, поэтическое творчество неразрывно было связано со жгучими вопросами социальной жизни и борьбы. Если пересмотр про-

блем фольклористики в аспекте социально-исторического анализа открыл в последнее время новые перспективы в понимании фольклорных жанров, то этот процесс лишь только начался в школе и в широкой массе читателей. Для того, чтобы облегчить эту задачу, мною задумана целая серия сборников по фольклору, долженствующих раскрыть фольклор с этой стороны. Первые сборники посвящаются сказкам („Сказки о попах“, „Сказки о барах“, „Сказки о куцах“ и т. д.), а затем аналогичные сборники будут составлены и по другим жанрам фольклора.

В настоящем сборнике мною предлагаются сказки о попах, почерпнутые из фольклористических изданий, преследовавших специально научные цели. Тексты мной сохраняются в почти нетронутом виде, если не считать устранения местного произношения (сохранение фонетической точности для популярного, а не для специального издания было бы излишним академическим педантизмом), а также замены или пропуска в очень немногих местах отдельных слишком грубых сцен, слов и выражений. (Включенные в сборник тексты украинских и белорусских сказок даны в дословном переводе).

В выборе текстов для настоящего издания я руководился такими соображениями: мне хотелось дать по возможности полную характеристику зафиксированного до сих пор в фольклористической литературе репертуара сказок о попах, существовавших в дореволюционное время в России. При этом в виду довольно сходного правового и экономического положения сельского духовенства как в Великороссии, так и на Украине и в Белоруссии, я позволил себе не ограничиваться только русским (великорусским) материалом. К этому побуждало меня и то обстоятельство, что, по описанным выше причинам, материал оказался бы недостаточно

полным: некоторые сказочные сюжеты оказались в украинских или белорусских пересказах более яркими или по художественности изложения, или по отчетливости социальной направленности. Трудно было выбрать надлежащую линию, чтобы, стремясь к соблюдению полноты репертуара, т. е. сказочных сюжетов, вместе с тем избежать повторов. Трудность усугублялась еще тем, что в сказочном фольклоре не только встречаются близкие друг другу сюжеты, но то и дело различные сюжеты вбирают в себя одинаковые сказочные мотивы. Выкидывать что-либо из сказки, сокращать ее, нарушать ту ее систему, которая дана ей волей сказочника-автора, я считал себя не в праве. Этим объясняется наличие в печатаемых сказках некоторых совпадений в ситуациях и мотивах. Я утешаю себя мыслью, что такое положение основано на природе самого фольклорного материала. Жизнь фольклора и состоит в постоянном переплетании традиционных художественных (сюжетных и стилистических) схем с творческим почином индивидуальных рассказчиков и певцов, этих выразителей классовых настроений и идей. На мой взгляд сборник должен дать возможность почувствовать эту характерную (собственно существующую и в литературе, но там только более затушеванную) черту поэтического творчества в фольклоре.

В некоторых случаях сказки о попах имеют лучшие по своей композиционной стройности и по стилистической выдержанности варианты, в которых однако попы и вообще духовенство заменены другими действующими лицами (купцами и т. д.). Не имея возможности точно установить, от кого зависела подобная замена — от самого ли сказочника или от собирателя (у последнего это могло происходить как из соображений цензурных так просто из собственных идеологических), я такие

варианты откидывал, ни разу не допустив соблазнительной для большей яркости сборника подмены. Для точной сверки с подлинником, а также для тех читателей, которые заинтересовались бы более специальными вопросами (сличением вариантов, точным языком рассказчиков, их биографиями и творческим репертуаром), я в конце книги привожу список использованных мною сборников и в оглавлении точно указываю тот источник, из которого взят приводимый мною текст сказки.

Сказки в сборнике я расположил по основным темам. Деление это по существу, конечно, условно, к тому же во многих случаях, благодаря подвижным мотивам-эпизодам, темы эти взаимно переплетаются. Однако при просмотре напечатанных в научных сборниках многочисленных пересказов невольно вырисовывается несколько тематических групп. Первая группа сказок обрисовывает попа, как хозяина, пользующегося трудом нанятого им батрака; вторая группа посвящена описанию поповской жадности; третья, очень обширная, включает в себе юморические сказки о любовных приключениях или попа или его жены; четвертая стремится подчеркнуть поповскую глупость и, наконец, пятая дает сатирическое изображение попа при исполнении им своих служебных обязанностей.

Всматриваясь в темы сказок о попах, сразу же начинаешь понимать, какая социальная среда если и не целиком слагала сказки, то во всяком случае предъявляла на эти сказки спрос, чей социальный заказ сложением этих сказок выполнялся. Темы и их разработка большей частью довольно отчетливо выдают эту среду. Духовенство почти исключительно обрисовывается сельское и главным образом с тех сторон, которые с наибольшей остротой воспринимались этой средой.

Ясно, что большею частью сказки о попах можно считать сказками бедняцкими, а некоторые из них специально батрадскими. Таковы уже по самой теме своей сказки первой группы. В них по преимуществу идет речь о попе, который склонен прижать нанятого им работника, поменьше его кормить, побольше заставить работать. В возникающей на этой почве борьбе между хозяином и работником победа в сказках всегда остается за последним, в противоположность тому, что обычно бывало в реальной действительности. Да это и вполне понятно, если только не воспринимать сказку, насколько бы реалистическим ни был ее стиль, как точную копию подлинной бытовой жизни. Если же сказку воспринимать как художественное произведение, то сквозь изображаемое естественно искать и изображающего. Эксплуатируемый забитый, подневольный в реальной жизни батрак в сказке преображался: он в своей художественной фантазии перемещал социальные силы. Батрак торжествовал над своим недогадливым хозяином, беспощадно издевался над ним, срамил его, поучал и перевоспитывал. Как не мечтою о социальном перевоспитании можно назвать сказку о ксендзах, вылечившихся от ожирения тем, что в сонном состоянии были перенесены на пивоварню и принуждены были работать наравне со всеми работниками. Сказка эта по своей основной тенденции чрезвычайно напоминает сказку «О сердитой барыне», аналогичным образом проученной: тяжелый труд и ее выправил. Сопоставление двух рассказов на разные сюжеты, но окрашенные одной и той же социальной идеей, еще раз должно подчеркнуть правильность высказывавшегося мною взгляда об ярком проявлении в сказочном фольклоре классовой борьбы, которая некоторым почтенным иссле-

дователям кажется плодом досузей фантазии современных фольклористов и литературоведов в СССР. ¹

Едкой, злой, сатирической сказкой отстаивал поповский батрак свои права, нарушавшиеся в быту вопреки даже заключенным договорам о найме. Поп, по батрацким сказкам, прибегает к самым хитрым уловкам, чтобы не слишком расходовать на своего работника: то пытается ограничиться только поздним ужином для батрака, а утром перед работой уже не находит нужным кормить его («Как пои работников морил»), то пробует его сразу без перерыва накормить завтраком, обедом и ужином («Добрый поп»), во время обеда дает поручения работнику и этим лишает его еды («Попов работник»). Во всех случаях работнику удастся перехитрить скупого попа. Любопытна однако разница между сказками о попах и их работниках и аналогичными сказками о барах и их дворовых. В последних сказках речь идет больше не о свупости, а о жестоком обращении, телесных наказаниях, барских капризах и причудах. Да это и понятно: на протяжении многих веков приходское духовенство, особенно же сельское, не обладало правом личного крепостного владения душами. Отношения между попом и работником были отношениями нанимателя и наемного человека. Отсюда и в сказках о попах так част мотив договора, который каждая из сторон хочет хитро обернуть выгодным для себя образом. Отсюда и такие анекдотические формы договора как служба работника у попа до того времени, «когда волки в избе забегают», или наем за три щелчка. При этом поп стремится выговорить право требовать от работника исполнения самых

¹ См. мою статью в журнале «Литература и марксизм», 1928 г., кн. 2 «О социологическом изучении фольклор». (Ответ проф. Поливке)».

разнообразных работ. Пушкин иронично, но вполне в духе крестьянских сказок, передает суть такого договора:

«...Нужен мне работник—
Повар, конюх и плотник.
А где мне найти такова
Служителя не слишком дорогова».
Бада говорит:
(Не беда, коли есть лебеда)
«Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год по три щелчка по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу».
Призадумался поп,
Стал почесывать лоб.
Щелк щелку ведь рознь,
Да понадеялся на русский авось...

Обрисованные в сказках бытовые сцены из обыденной жизни сельского попа показывают, на какой почве вырастают указанные взаимоотношения попа и работника. Поп сельский выполняет в сущности те же работы, что и любой крестьянин. Он и пашет, и косит, и молотит, и возит дрова. А сверх того занят церковной службой. Батрак не выполняет на него всю работу, как на барина, он является нанятым помощником, как и в хозяйстве зажиточного крестьянина. При этом по сказкам у попа обычно всего-на-всего один батрак. Следовательно, речь идет не о крупном хозяйстве. Бытовая жизнь вырисовывается очень несложной, и тем не менее классовый антагонизм в сказках проявляется чрезвычайно ярко. Да так в действительности и должно было быть: прибавочная стоимость от труда наймита выжималась значительно интенсивнее, чем в крупном помещичьем или купеческом хозяйстве, где однако социально-бытовые грани

между хозяевами и работниками были выражены резко и определеннее.

Жадность, скупость, стремление к легкой наживе — вторая излюбленная тема сказок о попах. Эта тема или переплетается с первой, или развивается самостоятельно. Характеристика попа как жадного корыстолюбца, прочно вкоренилась в самых разнообразных жанрах крестьянского фольклора. Поговорка «у попа глаза завидушие, руки загребушие» вошла в былинные тексты, прикрепившись к образу Алеши Поповича, приобретшего благодаря своему прозвищу «Попович» иронически-отрицательный облик, как только былина спустилась из социальных верхов в крестьянскую среду.

Погоня за даяниями, взимание мзды за всякую потребу без разбора с богатого и бедного — это все черты характеристики попа не только в сказках, но и в пословицах, и в песнях, даже в загадках. «Кто с живого и мертвого дерет?», спрашивает загадка. «Родись, крестись, женись, умирай — за все попу деньги давай», с досадой отмечает пословица. Или: «Ждет, как ворон кости судья — разбойника тароватого, а поп — покойника богатого». Сколько бы ни давать попу, он все равно не удовлетворится: «Волчья пасть да поповские глаза — ненасытная яма», или «Поповское брюхо из семи овчин сшито». Выжать деньги поп сумеет, он выработал для этого свои особые приемы: «Попа в рогоже знать: у батьки свои ухватки».

Если так устойчива характеристика попа в пословицах и поговорках, то так же устойчива она и в сказках.

Любопытно, что крестьянских сказок и пословиц, сочувственно обрисовывающих попа, совершенно нет, и это несмотря на чрезвычайно благоприятные в свое

время условия для собирания и опубликования таких рассказов, если бы они в действительности существовали.¹

Недаром Некрасов заставляет попа спрашивать по-встречавшихся ему мужиков:

...О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?

В приводимых нами сказках образ жадного попа вырисован достаточно красочно. Сказка «Бог и поп» неизменно поповской жадности готова приписать проклятию, ниспосланному богом на попа: «Будешь ты брать с живого и мертвого, и с бедного и богатого, и все тебе мало будет». Эта сказка, как и две следующие, близкие друг другу по сюжету, «Завистливый поп и Николай-чудотворец» и «Поп и Николай-чудотворец», выявляют прямо уверенность крестьянства в фаталистической неизбежности поповской жадности: ни сам бог, ни Николай-чудотворец не в состоянии излечить попа от этого коренного его порока. Отсутствие веры в возможность исчезновения в реальной жизни поповского стяжательства заставляет крестьянских рассказчиков вести многие сказки, затрагивающие эту тему, в морализующем легендарном тоне. Таковы, кроме уже упомянутых, сказки «Клад», «Жадная попадьа» и др. В последних двух то поп, то попадьа наказаны за свою жадность тем, что поп оброс козлиной шкурой, в которую он рядился, чтобы испугать нашедшего клад бед-

¹ Совершенно правильно классовую заостренность антипоповского фольклора, особенно сказок, подчеркивает А. Ефремин в своей книжке «Демьян Бедный на противодерковном фронте». ГИЗ. 1927 г., стр. 21 и сл.

ного мужика, а попадья обросла перьями украденных ею у бедной старушки кур. В ином, уже реально анекдотическом плане описана поповская жадность, а также взаимная зависть попов в замечательной сказке «Старик Осип и три попа», записанной мною и братом от одного прекрасного сказочника-сатирика В. В. Богданова. Также анекдотичны и остальные сказки: «Суд о коровах», «Поп и бурлак», и «Жадный поп». Любопытно отметить, что сказка «Суд о коровах», была в другом варианте записана нами в свое время именно в том крае, где еще недавно был распространен обычай жертвовать в церковь или попу «обещанный» скот. Естественно, что в той местности и сама сказка, использовавшая этот мотив, должна была говорить слушателям значительно больше, чем в других местностях, где подобного обычая не существовало. Спрос на такие местные сюжеты еще раз подчеркивает жизненное, так сказать, публицистическое значение сказочного творчества в деревне.

Когда в отношении только что рассмотренной группы сказок задаешь себе вопрос о социальной среде, создававшей эти сказки и предъявлявшей на них спрос, то здесь уже нельзя ответить так же определенно, как в отношении первой группы (сказок о попе и его работнике). Те сказки явно батрацкие и по своему устремлению, и по описываемым в них социальным коллизиям. Среда же, разрабатывавшая тему о поповской жадности, конечно, была шире. При этом, надо полагать, их слушали не одни бедняки, составлявшие, правда, главный контингент потребителей этих сказок. Зачастую могли их рассказывать самые различные слои деревенского населения. Ведь поп тянул «и с богатого, и с бедного, и с живого, и с мертвого». И к тому же соответственно с достатком прихожанина обычно повышалась и плата за требу или даяние при обходах

«со святом». В вопросе о поповских поборах фронт деревни обычно был довольно единым, если исключить ярко выраженный кулацкий сектор, почти всегда солидаризировавшийся со священником. Наблюдения собирателей фольклористов, правда, ставшие производиться лишь в последние три десятилетия, когда внимание ученых было привлечено к личности самих мастеров сказочного искусства, показывают, что большей частью сатирические сказки о попах рассказываются наименьшими слоями деревни.¹

Экономическая зависимость работника-батрака от своего хозяина-попа, а затем обязанность крестьянства содержать духовенство на свой счет и оплачивать необходимые религиозные обряды, и были той базой, на которой выросло резко отрицательное отношение к духовенству, отразившееся в сатирических сказках о попе-хозяине и о попе-мздоимце.

Значительно сложнее приходится объяснять себе причины возникновения и популярности следующих групп сказочных тем о попах. Образы попа-эксплуататора и попа-корыстолюбца вырисовываются в классовом восприятии крестьянством почти непосредственно из экономических взаимоотношений крестьянства и духовенства. Но вот образ попа-сластолюбца, образ чрезвычайно детально и красочно обрисованный в многочисленных сказках, не имеет столь непосредственной связи с экономикой. В создании и разработке этого образа значительную роль играли выросшие на основе экономического антагонизма общие классово-психологические мотивы. В силу описанных выше условий отношение к попу среди масс крестьянства устанавливалось

¹ См. об этом Б. М. Соколов, «Русский фольклор», М. 1930 г., в. 2, стр. 89.

настолько отрицательное, что образ попа приобретал дополнительные, также резко отрицательные черты. При этом для пушей яркости (это вообще свойственно крестьянскому искусству) краски выбирались нарочито контрастные. Если по своему положению проповедника христианской нравственности, воздержания, целомудрия поп должен был бы сам быть образцом проповедываемых им добродетелей, то крестьянское творчество с особым смаком стремилось приписать попу прямо противоположные качества: поэтому поп в крестьянской сказке не только скаречно жаден, но и обжора, и пьяница, и сластолюбец. Любовно анекдотическая новелла или рассказ о любовных приключениях становились особо пикантными и острыми, когда роль лове-ласа-любовника предоставлялась сказочником попу или даже целому клиру: попу, дьякону и дьячку. Так чисто художественные цели и приемы получали для себя благодарный материал на почве резкого классового антагонизма.

Конечно, не надо думать, что анекдотические сказки — новеллы о любовных похождениях попов — вырастали исключительно в крестьянской среде. Сравнение русских сказок со сказками западно-европейских народов, а также с литературными новеллами, например, с «Декамероном» Бокаччио, с французскими фавлю и т. д., убеждает в чрезвычайной распространенности почти всех сюжетов наших сказок о попах-сластолюбцах в среде тоже крестьянской или в среде городской буржуазии в период ее заострявшейся борьбы с феодальными классами, в частности с духовенством. Важно отметить, что в России в конце XVII века, т.-е. в эпоху резкого поворота в сторону интенсивного развития капитала, возникли в художественной литературе настроения очень напоминающие то, что происходило несколькими

веками раньше в итальянских городах. Любопытно, что именно в конце XVII века широкой волной хлынула из Западной Европы полусветская или даже вполне светская беллетристика, в которой немалое место занимали реалистические и сагирические новеллы в духе «Декамерона». Тогда было переведено и несколько декамероновских рассказов. Пользуясь приемами иностранного литературного письма на основе крупных сдвигов, происходивших в социальной психологии русской читательской массы, стали возникать и самостоятельные опыты реалистической беллетристики. Вспомним хотя бы сатирическую и авантюристическую повесть о Фроле Скобееве или в свое время мною изданную «Повесть о Карпе Сутулове»,¹ так близко стоящую к целому ряду печатаемых ниже русских сказок. (К купцовой жене Татьяне Сутуловой последовательно друг за другом пристают с любовными предложениями купец, поп и архиепископ. Татьяна назначает каждому из них часы свидания, те приходят, но принуждены прятаться в сундуки, в которых Татьяна выставляет их на суд к воеводе и посрамляет при всем народе.) Сравнительный анализ вариантов привел меня к предположению о восточном происхождении данной повести, но важно не то, откуда повесть пришла, а то, что она ответила определенным запросам читательской среды, удовлетворявшей свои художественные и общественные вкусы однородным тематическим материалом, независимо от того, с какой стороны он попадал на русскую почву.

Надо думать, что повести и рассказы, свои и переведные, получившие спрос в рукописной литературе, довольно быстро через грамотеев попадали в крестьянскую среду и, отвечая существовавшему в ней издавна

¹ Ю. С о к о л о в, Повесть о Карпе Сутулове, М. 1915 г.

классовому антагонизму, прочно оседали в крестьянском фольклоре, подвергнувшись переработке соответственно традиционному сказочному стилю.

В распространении сказок-анекдотов о любовных похождениях попов, думается, могли принимать участие все слои деревни. Спрос эти сказки имели и в других классах: в дворянстве, в городской буржуазии, в мещанстве. Нельзя не вспомнить огромного количества анекдотов о попах и поповнах в русской интеллигенции и дворянской, и разночинческой. Правда, тон в обрисовке образов духовенства в дворянской литературе и в крестьянских сказках глубоко различен: в дворянских произведениях царит тон полупрезрительной иронии, а крестьянские сказки — большею частью описание любовных поповских авантюр сопровождают сценами жестокости и грубой расправы. Различие классовых отношений в этом находит себе яркую иллюстрацию. Поп для дворянина был жалкой *quantité négligeable* в бытовой жизни и в классовом восприятии, хотя в области политико-идеологической, вопреки жалкой реальной сущности, духовная особа возносилась на охраняемый разными государственным способом высокий пьедестал. В отношении же мужиков к попу превалировало чувство эксплуатируемого к эксплуататору, во всяком случае экономической зависимости, влекшей за собою чувства досады и озлобленности.

Эти чувства не ограничивались только отношениями к попу или членам причта, а распространялись и на всю семью поповскую — и на жену и на детей.

Недаром некрасовский поп вопрошает мужиков:

«Мать-попадью степенную, Как чествуете вы?
Попову дочь безвинную, Кому в догон, злорадствуя,
Семинариста всякого Кричите: го-го-го?».

Поэтому и в нашем сборнике среди сказок о любовных похождениях самих попов есть ряд сказок и о сластолюбивой попадье, в иных упоминаются и поповны. Кто бы ни был из членов поповской семьи комическим персонажем сказки, чувство классовой неприязни находит себе удовлетворение в дискредитации поповского сословия. В иных сказках (например, «Иван Иванович») достаётся от крестьянского сказочника и членам причта—попу, дьякону, дьячку и их женам.

В сборнике дано несколько рассказов с близкими друг другу сюжетными схемами, одной из частей которых является неизменный мотив о последовательном приходе любовников друг за другом и прятаньи с перепугу в сундуке (или мешке). Мы не боимся некоторых повторений, так как этот мотив действительно один из самых распространённых в сказках о попах. Он бесспорно смертен Гоголем в его «Ночи перед Рождеством», где сцена любовных визитов головы и дьяка к «несравненной» Солохе разработана в духе крестьянских сказок, правда, в меру того, что могла допустить тогдашняя цензура (повидимому ввести попа Гоголь не решился, а ограничился обрисовкой только самого малого церковного чина—дьячка). К циклу тех же сюжетов относится и воспроизведенная Достоевским в «Записках из мертвого дома» пантомима, разыгрывавшаяся арестантами.

Я указал, что классовая настроенность против духовенства побуждала крестьянских сказочников подбирать густые краски в обрисовке духовенства. Но было бы совершенно неправильно отрицать значительную степень соответствия между изображенным в сказках поведением сельского духовенства с тем, что совершалось в реальном духовном быту. Хорошо всем известна практика заключения браков в духовной среде не по личной склонности, а большею частью по соображениям слу-

жебной выгоды, когда после смерти священника место его закреплялось за зятем, если же дочь не была еще выдана, то самым спешным порядком подыскивался жених, в последние два столетия зачастую по выбору или рекомендации архиерея или благочинного. Заключенные так браки естественно крепки были только формально, внутренняя же семейная жизнь оставляла желать много лучшего. Отсюда довольно частые нарушения супружеской верности с обеих сторон, в виду особого положения духовных лиц в деревне, быстро принимавшие характер общественного скандала, дававшего пищу появлению новых или подновлению старых анекдотов и юмористических сказок. Большое значение в быту имело и единобрачие духовенства. Невозможность развода при неудачном браке и вынужденное одиночество вдовцов влекли за собою всякие формы «незаконных» связей, становившихся естественно предметом деревенских пересудов и анекдотов.

В огромном большинстве сказок о любовных похождениях попов яркую роль играет все тот же поповский батрак. Он или раскрывает обманутой стороне шашни супруга («Как волки в хате завелись», «О попе и работнике его Миколае»), или являются инициатором хитроумной и злой мести. То он попавшихся в сундуке любовников везет в город продавать, по дороге выдает обмазанных в саже и обваленных в перьях, за чертей, то надувает глупую и блудливую хозяйку, прикинувшись стариком-знахарем («Дьяк Тит Григорьевич»). В таких случаях батрацкий характер обработки сказочного сюжета очевиден. Иногда торжествующего над поповским сословием батрака заменяет бедный мужик («Иван да Марья», «Иван Иванович», «Мужик, баба, поп, дьякон и цыган», «Поп, молодца и цыган», «Поп ржет, как жеребец», «Как мужик серги у

попадья йскал», «Поп»). Торжествуя в сказке над попом, батрак или мужик выражали достаточно явно свою классовую настроенность против духовенства. Некоторые из анекдотических рассказов (например, «Как иерусалимские святые через печь дорогу проложили», «Дьяк и пономарь», «Чернец и черницы»), очень возможно, были сложены в среде низшего церковного люда (тех же пономарей, дьячков, церковных сторожей). Но таких рассказов в сравнении со всем репертуаром сказок о попах не столь уже много. Социально-сатирическая их окраска значительно слабее.

Следующая группа сказок — о поповской глупости — по своей классово-психологической сущности, конечно, должна быть поставлена в один ряд с также очень распространенными в крестьянстве сказками о баринеглупце. Как тут, так и там сразу бросается в глаза стремление крестьянского рассказчика унижить своего классового врага в самом чувствительном пункте. И по положению своему, и по степени своей образованности барин и поп должны всегда превосходить необразованного мужика умственной гибкостью, рассудительностью, изворотливостью и находчивостью. В сказках же мы видим обратное явление: мужик почти всегда торжествует и над баринем, и над попом. Здесь мы опять встречаемся с тем же приемом усвоения социальному персонажу, представителю антагонистического класса, свойств, контрастирующих с тем, что теоретически должно бы быть в жизни. Поп оказывается по сказкам и недогадливым, и недалеким вообще, и слишком доверчивым. Батрак (сказки «Работник и Поп», «Поп и попадья», «Поп и работник», «Поп и дыган») или солдат («Солдат на исповеди») или босяк («Поп и босяки») одурачивают попа и всячески издеваются над его глупостью. В иных вариантах некоторых сказок о попах

(например, «Поп теленка родил») поп заменяется барином.¹ Это снова подчеркивает классовую тенденцию крестьянских рассказчиков – при помощи своего сказочного творчества досаждают классовому врагу. Важно подсмеяться над своим противником, именно его поставить в унижительно глупое положение. Сказок с теми же сюжетами, но с героями из своего же крестьянского класса, мы почти не встречаем.

Ярким примером использования сказки в политико-публицистических целях, на мой взгляд, служит сказка «Царь Иван Грозный и деревенский Шибарша», печатаемая нами первою в группе сказок о глупых попах Сказка эта, как было показано Александром Веселовским «Древняя и новая Россия», 1876 г., № 4), хотя и заключает в себе широко распространенный бродячий сюжет, сложилась в эпоху Ивана Грозного, надо думать, в среде весьма ему близкой, может быть в среде опричнины и выражает, при всей авантюристности фабулы, определенные политические тенденции Грозного царя, возглавлявшего борьбу нарождавшегося дворянства с феодальным боярством и высшим духовенством. Царь при помощи своего друга, вора Шибарши жестоко, мстит архиерею, позволившему себе сказать обратиться к царю с обличительным словом в церкви. Любопытно, что вся эта сказка, из которой мы приводим только ее конец, имеющий непосредственное отношение к теме нашего сборника, сохранилась до нашего времени благодаря совершенно особой своей судьбе. Она была записана агентами Тайной канцелярии в эпоху Бирона от арестованных по политическим делам. В этой и в других, записанных от заключенных сказках правительство эпохи Бирона

¹ Ср. например, сказку «Как барин телился» в Сборнике С о к о л о в ы х.

склонно было видеть политическую сторону. Новый факт, подтверждающий политическое значение фольклора. Своеобразный характер записи сказки сказался на самом языке сказки: традиционный сказочный стиль сказочника то и дело перелетается шаблонами канцелярской речи сыска. Мы приводим эту сказку и потому, что она интересна в историко-политическом отношении, и потому, что она заключает в себе эпизод, очень часто встречающийся в крестьянских сказках о попах, возносимых в рай мнимым ангелом — поповским батраком. Борьба Ивана Грозного с крупными землевладельцами и с высшим духовенством создала из него образ мужицкого царя, заступника прогив многовековых эксплуататоров. Отрывки сказочного и легендарного эпоса эпохи Ивана Грозного зачастую попадают в общей массе крестьянского сказочного репертуара в руки современных фольклористов-собираателей, иногда уже со значительно стертými чертами эпохи и среды, их создавших, в сильной крестьянской переработке.

Пятая и последняя группа сказок о попах посвящена теме о попе как слугителе церковного культа. Эта тема переплетается с темой о поповской жадности и с темой о поповской глупости. Церковная служба является часто лишь обстановкой для более яркого проявления указанных двух поповских качеств. Церковные возгласы и песнопения сказкою сатирически переводятся на язык грубой реальной прозы, в церковном богослужении сказочник-сатирик вскрывает основные стимулы поповской профессии. Особенно в этом отношении характерен анекдотический рассказ «Церковная служба».

Мотив поповской глупости осложняется в рассматриваемой сейчас группе сказок мотивом невежества, поповской неграмотности или малограмотности. Особенно подробно и красочно вырисовывается этот мотив в сказ-

ках, очень распространенных в многочисленных вариациях, о «Попе Пахоме», а также в сказке «Дьяк и малограмотный поп». Во втором из приводимых вариантов о «Попе Пахоме», а также в сказке «Безграмотная деревня» вплетается еще новый мотив хитрого вручения взятки архиерею, приехавшему, по просьбе прихожан, проверять службу безграмотного попа.

Вникая в смысл подобных сказок о глупых, невежественных, малограмотных попах, склоняешься, конечно, очень многое отнести на долю того классового антагонизма, который побуждал крестьянских рассказчиков всячески унижать поповское ремесло и звание. Но, как и в отношении ранее рассмотренных тем, невозможно все объяснять нарочито классовой тенденциозностью. Беспорно, разработанные в сатирических сказках мотивы имели опору в самой реальной бытовой действительности. Сельское духовенство в древней Руси в течение многих столетий влачило незавидное в культурном отношении существование. Вследствие царившей формально-обрядовой религиозности, так отличавшей русское православие, бытовая потребность в попах была очень большая. Просвещение же было поставлено до чрезвычайности низко. В течение нескольких веков даже высшее духовенство не имело для себя школ. На первых порах в большом количестве пользовались пришлым (греческим и балканским) духовенством, а затем стали готовить епископов и попов своими средствами. Сельское духовенство ограничивалось знанием простой грамоты: чтения, письма и пения, но очень большая часть сельского, а иногда и городского духовенства довольствовалась разучиванием церковных служб наизусть. Побудительной причиной к заучиванию богослужений на память было и то обстоятельство, что до введения печатных книг приходилось пользоваться

рукописными, которые и по затрате времени для написания, и по качеству материала для письма (пергамент) должны были обходиться населению весьма дорого, и многие сельские церкви не имели материальных возможностей делать у себя необходимый запас книг.¹ Ясно, что все это приводило к очень низкому культурному уровню сельского попа. Еще Стоглавый собор жаловался на безграмотность духовенства. Через полтора года лет то же отмечал публицист Иван Посошков: он предлагал «послать по всем архиереям, чтобы не единого ставленника без свидетельства учительского в пресвитеры непосвящали». Сочинения Посошкова, т. I, стр. 18. М., 1842. Но это предложение еще долгие годы оставалось неосуществимым. Часты в древнее время, а это практиковалось в глухих местах и позднее, посвящения в попы из крестьянства и из других низших классов. Но, превращаясь из мужика в попа, посвященный все равно воспринимался уже как представитель чуждого класса, так как быстро вбирал в себя все неприятные крестьянству свойства своей новой профессии. И над таким попом, вышедшим из крестьянской среды, мужик-рассказчик тоже готов был смеяться. С течением времени каста становилась все замкнутее и замкнутее и тем сильнее привлекала на себя сатиру классово-враждебных групп.

Мы исчерпали обзор основных тем сатирических сказок о попах. Образ духовенства церкви, как он представлялся художникам-рассказчикам из крестьянской среды, вырисовался достаточно отчетливо. Скупой, жадный поп, готовый выжать все, что только возможно

¹ См. Е. Голубинский, История русской церкви, т. II, ч. 2, в. 1. М. 1917. И. М. Никольский, История русской церкви. М. 1930.

из труда своего наймита-батрака, блудливый сам и нередко наделенный блудливым семейством, глупый и часто невежда, с трудом справляющийся со своими обязанностями служителя церкви, — вот к чему сводится характеристика, даваемая в «сказках балагурных». Многие подсказано самой реальной бытовой действительностью, многое усилено классовым антагонизмом. При всем разнообразии индивидуальных вариаций характер образа остается мало измененным. Эту устойчивость традиционной характеристики следует объяснять устойчивостью в течение многих веков экономических и социально-бытовых форм, устанавливавших одинаковость классовых взаимоотношений и чувств. Приходится только удивляться упорству многих исследователей народной жизни и быта, не желавших принимать подобных характеристик как показателя крестьянских настроений.

И если кто сделал что-либо для раскрытия классового боевого значения крестьянских сказок, так это не столько исследователи, сколько поэты, начиная с Пушкина и Некрасова и кончая Демьяном Бедным. Д. Бедный в своем творчестве художественно подытожил и поднял на высокую ступень политической сознательности то, что веками зрело и росло в умах и на устах многих миллионов деревенской бедноты и батрачества. Поэтому его «Науки и мухи», «Попы-трутни, живут на плутни» и др. пьесы воспринимаются как нечто, выросшее на глубокой социальной и поэтической почве.

При всей классовой заостренности сказок и других фольклорных жанров, было бы однако неосторожно воспринимать все произведения фольклора, насыщенные антипоповскими тенденциями, как одновременно и высокий показатель антирелигиозной настроенности. Прав т. Я. А. Яковлев, когда он еще в 1923 году в своей известной книжке «Деревня, как она есть», писал, что

«антипоповские анекдоты ничуть не мешают попу фунты носить, и причащаться, и говеть, а на школу ни одного фунта не давать».

Поэтому было бы неправильно слишком переоценивать значение антипоповских сказок в отношении борьбы с религией как таковой, тем не менее было бы ошибочно не дооценивать их с точки зрения социально-исторической и политико-просветительной даже в наше время.

Вот это последнее обстоятельство заставляет меня думать, что предлагаемый сборник не окажется бесполезным и даст красочный материал и историку социальной жизни и активному политпросвет-работнику, особенно в деревне, и педагогу, которые сумеют выбрать нужное для своей работы.

Крестьянским сказкам с точки зрения социальной и исторической нужно уделить, повторяю, значительно большее внимание, чем делалось это до сих пор, как в специальной научной литературе, так и в школе и в широкой общественности.

Пусть послужит настоящая небольшая книжка толчком к усилению этого внимания.

Юрий Соколов.

16 июня 1930 г.

ПОП
И РАБОТНИК

КАК ПОП РАБОТНИКОВ МОРИЛ

Вот в некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в каком живем мы, жил один мужик. У него было три сына — два умных, а третий дурак. Жили очень бедно. Отец посылает сыновей:

— Идите хоть один в работники: дома делать нечего.

Сыновья собрались; ни тому, ни другому не охота итти в работники; вздумали жребий кинуть — кому итти в работники. Кинули жребий, досталось большаку-брату итти в работники. Большак-брат справился и отправился в путь-дорожку.

Поступил в работники к попу. Тот его почти ничем не кормил, проморил зиму. Ушел большак.

На другой год отправился к попу средний брат и тоже чуть с голоду не помер.

Настала очередь меньшому брату итти, Ивану-дураку. Вот он снарядился и отправился в путь-дорогу. Вышел — подает поп стречу ему.

— Далеко ли, добрый человек, идешь? — спрашивает поп.

— Иду себе места искать, — говорит.

— Ну, наймись ко мне в работники.

— Найми, — говорит.

— Сколько дашь?

— Сто рублей дам, — говорит, — за зиму.

— Ну, а сто рублей дашь, я и жить буду, — говорит.

— Ну, станешь, дак садись в сани и поедем со мной.

Сели в сани и поехали к попу. Приехали к попу. Поп чаем напоил, ужином накормил.

— Ложись спать, — говорит. — Утром ехать за сеном.

Утром поп будит с полночи работника.

— Вставай, надо ехать!

Сам чаю напился, отзавтракал, а работника не кормит на дорогу. Работник запряг пару лошадей.

— Ну, садись, батька, поедем, — говорит.

Сели и поехали. Выехали за поле.

— Батька, — говорит, — я веревки забыл. Нечем сено завязать.

— Экой ты чудака! Еще хорошо — скоро вспомнили. Беги, я подожду.

Иван-дурак прибежал к попадье.

— Матка, давай скорей белорыбник и бутылку вина. Поп велел дать.

Попадья сейчас подала. Работник побежал.

— На веревки, батька. Теперь есть чем сено вязать!

Верст сорок проехали. Наклали они возы, завязали. Поехали домой — сумерилось, а еще верст сорок ехать домой. Иван-дурак выпивает на возу из бутылки и белорыбником закусывает. Поп и говорит Ивану-дураку:

— Ваня, гляди. Есть дорога направо, как бы туда лошадь не сбрела. А я дремлю.

— Ладно, батька, поезжай. Я усмотрю эту дорогу.

Ваня идет и смотрит эту дорогу. Увидал эту дорогу, скочил с воза и отвел лошадь в сторону по той дороге, по которой не надо было ехать. Проехали они по этой дороге верст пятнадцать. Потом поп проснулся. Осмотрел место. Видит, что в сторону едут неладно.

— Ваня, ведь мы неладно едем!

— А я, — говорит, — почему знаю, ладно или неладно. Ведь ты впереди едешь, а я за тобой.

— Экой, Ваня. Как я наказывал, что посмотри, дорога направо будет, а ты и заехал.

— Ишь, сам впереди, а я и заехал!

— Ну, стало быть, Ваня, делать нечего. Надо ехать по этой дороге. Должна тут быть деревня недалеко, нужно нам в ней ночевать.

Так поехали дальше продолжать. Приезжают они в одну деревню. Поп посылает работника:

— Пойди, просись ночевать вот у такого-то мужика.

Работник побежал к дверям. Видит, двери заперты. Сейчас же вышла большуха, двери отворила. Работник вошел и просит хозяина:

— Пусти нас с попом, пожалуйста, ночевать.

— Милости просим, — говорит, — ночуйте.

— Да, пожалуйста, я вас прошу, попа ужином не кормите: накормите, он еще больше ошалевает. Примолвите так, а садить — не садите более, а если посадите, так не взыщите, если ошалевать будет.

— Ну, ладно.

Работник лошадей выпряг, поставил к возам. Вошли в избу, разделись поп и работник.

— Поужинать не хотите ли, батюшка?

Поп на ответ ничего не подает, а работник свернулся, да и за стол. Работник отужинал, как

ему надо, а попу сесть неловко: только примолвили, а больше не садят; а есть очень хочется. Так работник отужинал, полез на полаты, и поп за ним. Работник захрапел, а попу не спится. Работника тычет под бока.

— Работник, ведь я есть хочу!

— Ох, мать твою, косматый леший! Садил тебя есть, не садился. Ведь не дома, где попадья за руки садит. Поди, я видел у большухи горшок каши стоиг, пойдн ешь.

Поп сошел с полатей, разыскал горшок в сошке.

— Работник, — говорит, — чем я кашу есть буду? Ложки мне не найти, — говорит.

— А ты, чорт косматой, навязался. Есть ему дал, и то покою не дает. Засучи руки и ешь так!

Поп загнал туда руки и обжег, — а там не каша была, а вар. Вот он и забегал с горшком опять.

— Работник, ведь мне рук не вынуть.

Работник и говорит:

— Ишь, лешего косматого навязало на меня. Всю ночь покоя не даешь со своей кашей.

Была месячная ночь значит.

— Вон, — говорит, — у порога точило лежит, брякни горшком об него и вынешь руки-то.

Поп разбежался, да как хряснет об это точило. А это лежало не точило, а хозяин лысый спал. Поп об его лысину и ударил. Хозяин завопил, а поп вскочил, да из избы вон: испугался. Тогда все хозяева вскочили за огнем. Хозяин кричит чего-то, работник кричит:

— Куда поп девался?

Не знаю, что и делалось здесь!

Хозяева за работника:

— Зачем старика убили?

А работник за хозяев:

— Куда попа дели? Давайте попа! А нет, сейчас схожу за десятским: деревню собери! Где хотите, давайте попа!

Потом хозяева одумались.

— Куда поп девался?

— Давайте, — говорит работник, — триста рублей, все дело замну, а нет — к десятскому пойду.

Хозяева мялись, мялись, дали триста рублей.

— Только не сказывай, что случилось.

Так работник запряг лошадей и поехал с сеном домой. Попа нет, значит. Проезжает деревню, стоит поп у пелевнюшки; стоит, из угла выглядывает, видит, что работник едет с сеном.

Поп и спрашивает:

— Аль ты, Ваня, едешь-то?

— Я, — говорит, — косматый плут. Ужо в остроге будешь сидеть. Убил хозяина!

— Неужели его до смерти я, Ваня, убил?

— Да, быть, до смерти. Сейчас ладят за урядником ехать, протокол составлять.

— Не можешь ли, Ваня, как-нибудь это дело замять?

— Триста рублей давай, так замну, а нет, так в остроге сидеть будешь.

Так поп согласился триста рублей работнику заплатить, только бы замаял это дело. Работник вернулся в деревню, постоял за углом немножко и идет назад.

— Поезжай, батько. Теперь ничего не будет. Поедем назад.

Приехали домой. Поп сделался такой добрый, стал работников жалеть. Как сам садится чай пить, так и работника садит. Ваня прожил зиму,

семьсот рублей денег получил вместо сотни. Приходит домой к отцу и говорит:

— Вот, тятка, на деньги. Гляди, сколько заработал. Не как твои два умные сына!

После этого стали жить-поживать и добра наживать. И теперь живут хорошо.

ДОБРЫЙ ПОП

Жил-был поп. Нанял себе работника, привел его домой.

— Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

— Ну, свет, — говорит поп, — бог даст — переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено.

— Хорошо, батюшка.

Дождались они утра, встали рано. Поп и говорит попадье:

— Давай-ка нам, матка, завтракать, мы пойдем на поле косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, мы и пообедаем за один раз, и будем косить до самого полдника без роздыха.

— Как вам угодно, батюшка, пожалуй и пообедаем.

— Подавай, матка, на стол обедать, — приказал поп жене.

Она подала им и обедать. Они по ложке, по другой хлебнули — и сыты.

Поп говорит работнику:

— Давай, свет, за одним столом и пополуднуем, и будем косить до самого ужина.

— Как вам угодно, батюшка, полудновать — так полудновать!

Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой — и сыты.

— За равно, свет, — говорит поп работнику, — давай заодно и поужинаем, и заночуем на поле — завтра раньше на работу поснеем.

— Давай, батюшка.

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола.

Работник схватил свой армяк и собирается вон.

— Куда ты, свет? — спрашивает поп.

— Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться.

Пошел в сарай и проспал до света.

С тех пор перестал поп угощать работника за один раз завтраком, обедом, полдником и ужином.

ПОПОВ РАБОТНИК

Жил-был поп. Вот у этого у попа не было работника: не уживались у него работники.

Пошел он нанимать работника. Нанял. Приходит домой, говорит:

— Попадья, я нанял работника.

— Ну, хорошо,—говорит.

Послали они работника молотить. Приходит время—он идет обедать. Приходит он и говорит:

— Поп, пора обедать.

— Ну, что ж, свет, садись.

Он сел. Налила попадья щей. А у попа маленькая дочка была. Только стали обедать, дочь-то и закричала.

— Ну, свет, тащи ее на двор.

Покамест работник пробыл с ней на дворе, поп с попадьею уже пообедали. Вот работник вернулся, говорит попу:

— Что ж,—говорит,—батюшка, я не обедал.

— Что ж, свет, два раза не обедают.

Мужик так и пошел опять молотить.

Приходит ужинать. Подали щей. Опять у попа дочь закричала.

— Неси, свет, ее на двор.

Вот он унес ее на двор. Пока там пробыл, они уж поужинали. Работник опять приходит и говорит:

— Что ж, батюшка, я не ужинал.

— Что ж, свет, два раза не ужинают.

Работнику уж скучно стало. Он взял от них ушел.

Поехал поп опять нанимать себе работника. Едет на деревню. Стоит круг мужиков. Он стоит и спрашивает:

— Мужички, не пойдет ли кто ко мне в работники?

— Нет, — говорят, — мы знаем, как у тебя жить-то.

А дурачок и говорит:

— И дураки, не умеете вы попу услужить.

— Ну, ты, — говорят, — умный человек, ступай.

Он и пошел и сделал уговор: не сходить и не стогнать друг друга.

Вот на другой день поп послал его молотить. Пришло время обедать. Пришли. Сели. Дурак и давай резать хлеб, весь его изрезал. Закричала опять дочь попа.

— Ну, — говорят, — свет, тащи ее.

Он положил за пазуху краюху хлеба, пошел к ней. Покамест он пробыл на дворе, весь хлеб съел. Приходит с надворья, говорит попу:

— Что ж, — говорит, — батюшка, я, — говорит, — шей-то не хлебал.

— Ну, свет, у нас два раза шей не варят.

Пошел он молотить хлеб. Помолотил, пришел ужинать. Садятся за стол. Дурак стал опять хлеб резать. Нарезал хлеба. Попова дочь и закричала.

— Ну, свет, неси ее на двор.

Он взял половину хлеба, положил за пазуху, пошел с ней.

Пока пробыл на дворе, весь хлеб и съел. Пришел домой, лег спать на печку:

Вот попадья смекнула дело, что у них работник много хлеба ест.

— Что, — говорит, — свет, нам делать с работником? У нас ведь хлеба не достанет так-то.

— Что, попадья? Надо бежать со двора. Мы с ним ведь уговорились: не сходить и не стогнать друг друга.

А работник и услышал их разговор.

Вот попадья на другой день, покамест работник молотил, насушила сухарей, положила их в мешки.

Приходит работник обедать и увидал эти мешки.

Сели за стол. Он нарезал хлеба. У попа дочь закричала. Он взял, положил в карман хлеба, пошел с ней на двор. Покамест он пробыл, хлеб весь поел. Приходит с надворья, а поп ему и говорит:

— Ты, — говорит, — свет, поди, потаскай скирд, а я отдохну да к тебе выйду.

Работник видит, что они собираются бежать, не пошел таскать скирд. Когда они вышли в другую комнату, он половину сухарей отсыпал, а сам в мешок-то и сел.

Вот они убрались совсем. Поп взвалил один мешок попадье, другой сам понес. Ударились бежать из дому.

Бегут несколько времени, а он в мешке-то и кричит:

— Догоню, догоню!

— Ну, — говорит попадья, — никак он догоняет.

Побежали еще скорее.

Бежали несколько времени, он опять кричит:
— Догоню, догоню!

Наконец они выбились из сил, принуждены были остановиться и остановились у речки.

Вот поп как бросит с плеч мешок.

— О, — говорит, — какой тяжелый.

А работник и говорит:

— О, батюшка, ты меня ушиб.

Попадья, ведь он тут!

— А вы хотели от меня убежать. — Пет, — говорит, — я вас на дне моря найду.

Пришлось дело к вечеру. Нужно было около речки ночевать. Поп и стал советоваться со своей женой, чтоб батрака положить с краю, к речке.

Вот легли они спать. Батрак ночью проснулся и переложил попадью-то на свое место, а сам в середину лег.

Поп проснулся и будит батрака, думает, что жена:

— Вставай! Давай, — говорит, — батрака—то в воду скинем.

А батрак ему говорит:

— Давай, — говорит.

Размахнули ее и бросили в воду.

Батрак и говорит:

— Ну, — говорит, — камень в воду, чертам поклон (подарок).

— Ах, свет, это ты остался со мной?

— Все я, — говорит, — багюшка.

О ТОМ, КАК КСЕНДЗЫ ВЫЛЕЧИЛИСЬ

Три гладких, толстых ксендза собрались ехать на воды лечиться. Они растолстели, как откормленные свиньи. Чего они ни делали, каких лекарств ни принимали—ничего не помогает. Доктора сказали, что им необходимо ехать на воды, там они жиру сбудут.

Поехали ксендзы по панам — собирать денег на дорогу.

Вот приезжают они к одному пану и жалуются ему на свою беду.

Просит пан ксендзов погостить, переночевать. Остались ксендзы.

Вот посадил их пан ужинать, да так наугощал, что ксендзы и заснули за столом.

Храпят ксендзы во все носовые завертки, спят так крепко, что, хоть из пушек пали, не услышат.

Вот пан велел их раздеть, перенести в пивоварню и положить их вместе с пивоварными работниками.

На утро очухались немного ксендзы и не знают, где они.

Вот будят мужиков одеваться. Встали ксендзы и не хотят итти на работу. Как пересчитал их кнутом управляющий, пошли, небось. Работают ксендзы наравне с другим всё, что требуется в пивоварне. Вместе со всеми и

едят, и спят, и никак не могут вырваться из пивоварни.

Вот проходит неделя другая, и начало с ксендзов спадать сало, а недель через пять они так отошдали, как борзые. Поглядят один на другого и узнать не могут: так исхудали за эти пять недель.

Думали уж ксендзы, что это черти их сцапали и засадили в пивоварню в наказание. Думали, что уж им никогда оттуда и не выбраться.

Вот раз велел пан дать пивоварным работникам ведро водки, а ксендзам — самой крепкой водки.

Напились они и без памяти повалились в пивоварне у котла.

Как только ксендзы крепко уснули, пан велел их перенести в дом и положить там, где они спали первую ночь.

Проснулись на утро ксендзы и трясутся: боятся, что долго проспали, как бы управляющий не лущанул их кнутом. Стали скорей одеваться. Смотрят — около них лежит их ксендзовская одежда. Удивляются ксендзы и глазам не верят.

Оделись они. Вот приходит пан, зовет их чай пить. Стал пан угощать ксендзов, да и спрашивает, куда они думают ехать на воды?

— Нет, — говорят ксендзы в один голос, — теперь нам не надо ехать на воды — мы уже вылечились.

Вот как пан вылечил ксендзов.

ЖАДНЫЙ ПОП

БОГ И ПОП

Один поп был такой скупой, никому не подавал. Как придет нищий какой, он его — за руку и вон вытолкнет.

Один раз, в праздничный день, этот поп переоделся и пошел из хаты — обедню служить. Является ему старик и просит милостыню:

— Подай, батюшка, Христареди!

Он говорит:

— Вон! Ты видишь, что я собрался к обедне. Вас немало тут таскается. Вон!

Старик пошел прочь, а поп за ним идет и собаками его травит.

Он махнул рукою, этот старик, — не оказалось ничего: только один поп да он — ни двора, ничего. И место это оказалось попу незнакомое.

Ну, старик этот пошел своим путем. А поп этот за ним следом: боится один остаться. Ну, и шли они целый день. И поп этот очень захотел есть. Тогда этот старик подходит — пасет пастух скотину. Он взял, купил одного барана. Горшочек там был, в чем пастуху есть, он и горшочек этот купил, и пошли. И баран за ними следом пошел.

Отошли они немного, велел он попу разложить огонь.

Огонь поп разложил. Ну, и разрежали барана этого. Вынули почки две и сердце. Старик говорит:

— Свари это, а я засну. Потом меня разбудишь, как сварить.

Поп этот готовил-готовил и очень есть захотел. Взял одну почку, съел. И лег сам спать и захрапел.

Встает старик и говорит попу:

— Вставай, будем есть, что ты сготовил.

Он встал, подал ему кушанье. Бог помешал-помешал и говорит:

— Куда же это одна почка девалась?

Поп говорит:

— Я не знаю. Я сварил и лег спать сам.

— Да что ты говоришь! Кто тут между нами был?

Поп давай клясться, божиться, что это не он съел.

Старик этот говорит:

— Полно тебе клясться, может, кто съел, как мы заснули. Возьми остальное, ешь.

Поп доел почку, сердце и суп похлебал.

— Ну, пойдем дальше.

Прошли немного — лежит куча золота на дороге. Старик и говорит:

— Да вот и находка нам нашлась хорошая. Как будем делить? — говорит.

А поп отвечает:

— Да как ты сам знаешь, дедушка.

Он взял, разделил на три кучки:

— Вот эта тебе, а эта мне, а эта третья часть тому, кто почку съел.

Попу стало жалко денег. Он говорит:

— Я, дедушка, съел почку.

— Ну, да, — говорит, — как деньги увидел так ты съел. Ты же мне раньше сказал, что ты не ел.

— Нет, — говорит, — чтобы мне провалиться, где стою.

И так и этак, что:

— Я съел почку.

— Ну, — говорит, — коли ты съел, бери уж эту кучу, и мою и свою, — пускай тебе всё, коли ты дал две клятвы: одну — что не ел, а другую — что съел, как увидел золото. Тогда ты позарился на почку — съел, а теперь на золото.

И благословил его:

— Будешь ты брагь с живого, и с мертвого и с бедного, и с богатого, и все тебе мало будет

Махнул рукой — и стал и дом тот, и церковь
А самого не стало.

ЗАВИСТЛИВЫЙ ПОП И НИКОЛАЙ- ЧУДОТВОРЕЦ

Жил священник у приходской церкви. Приход был у него небольшой, бедный. И ему казалось все мало. И говорит он своей попадье:

— Попадья, суши сухарей, я пойду себе места искать — не могу ли найти себе приход большой.

Шел себе большой дорогой некоторое время и видит — тропа.

— Пойду, — говорит, — этой тропой. Она все равно выведет на большую дорогу, а по ней, может быть, будет ближе.

Шел, шел этой тропой, зашел он далеко, видит — старичок отдыхает.

Он сказал:

— Здравствуй, дедушка.

— Здравствуй, здравствуй, — говорит, — бабюшка. Куда идешь?

— Да вот, — говорит, — шел большой дорогой и свернул тропой и думал, что выведет она меня на большую дорогу, да вот и запутал.

— Да и я-то, — говорит, — также, — отвечает старик. — Пойдем, — говорит, — вместе.

Прошли они несколько мест и остановились на ночлег.

— Надо, говорит, что-нибудь закусить.

Старичок развязывает свою сумку, вынимает просвиру. Священник и говорит:

— Дедушка, залезь на эту елку и погляди, не увидишь ли где нибудь свету. И нет ли где-нибудь близко жилья. Лучше бы в жилье ночевать.

Старичок сразу же полез на елку. Покуда он лазил, поп съел у него просвирку. А старичок свету никакого не мог увидеть. Слезает с елки и видит, у него просвирка съедена. Спрашивает у священника:

— Батюшка, кто же, — говорит, — мою просвирку съел?

— Я, — говорит, — не знаю кто.

— Да врешь ты, — говорит, — ты один и был. Ты должен был видеть или ты съел.

— Право, — говорит, — не ел и не видел, кто и съел.

Ночевали они ночь, утром встали, отправились лесом и вышли они к озеру.

Старичек и говорит:

— Поедем, прямо, — говорит, — озером.

А поп говорит:

— Нет, озером итти, потонем.

— Иди, — говорит, — за мной, так не потонешь.

Пошли они озером, как сухим путем. Доходят они до второго берега. Старичок выскочил на берег. Поп ухнул в воду.

— Дедушка, — говорит, вынь — меня из воды. Я, — говорит, — тону.

— Выну, — говорит, — из воды, когда скажешь, кто просвирку съел.

— Я не знаю, — говорит, — и не видел, кто просвирку съел.

Старик вынул его из воды, и пошли они своим путем. Дошли они до города. Старичок и говорит:

— Мы с тобой займемся лекарством. Здесь у знаменитого купца есть дочь, мы ее и вылечим. И он нам за нее дорого даст.

Зашли они к купцу, зашли они на кухню, и назвались они лекарями. И купец расположился им отдать дочку. Они заставили топить баню и снести туда два ушата воды: один ушат нагреть теплой водой, другой оставить холодной. И снесли эту дочку в баню. И выслали они обратно прислугу. Заперли баню. И взял старичок, вынул ножик, изрубил дочку на куски и склад в теплый ушат в воду. Вынимает куски из теплого ушата и прополаскивает в холодной воде и прикладывает кусок к куску. И сложил всю девицу и sprыснул холодной водой. И девица сделалась живой. Не знала в себе никакой боли. Приходит к отцу и отец спрашивает ее:

— Здорова ли ты?

— Она ему отвечает:

— Здорова.

— Как лечили тебя?

— А я ничего не помню.

И купец дал им, на волю предоставил денег взять, сколько им надо.

Священник набрал денег много. А старичок этот поменьше. Вышли они из города. Священник и говорит:

— Дедушка, станем мы ходить и будем лекарями. Деньги мы большие наживем.

— Нет, — говорит, — я не пойду. Иди ты один как тебе надо. Есть в таком-то городе, я тебе скажу, у графа неможет дочка, и ее никакие доктора вылечить не берутся. Тебе громадную

сумму он даст. Ведь ты видел, как я делал, так и делай, тогда и вылечишь.

Поп сказал ему:

— Я видел.

— Ну, и пойди.

Огправился священник в этот же город. Приходит к графу, доложил, что пришел лекарь. Граф позвал его к себе, и он взялся вылечить его дочь. Приказал затопить баню и принести два ушата воды: один ушат нагреть теплой водой, а другой оставить холодной. Свели эту дочку, и он велел прислугам выйти из бани. Запер баню. И начал ее рубить на куски. Изрубив на куски склал в теплый ушат. Начал вынимать эти куски. И разопревшая говядина не держится у него в руках. И он испугался.

— Что я наделал теперь! Будет мне казнь!

Ту же минуту колонулось у дверей, и он спросил:

— Кто тут есть?

Он ответил:

— Я, — говорит, — отпирай!

Он пропустил его, и пришел к нему товарищ.

— Что ты, — говорит, — наделал?

— Я все так делал, как ты делал, а у меня ничего не выходит.

И принялся старичок, зачал прополаскивать куски и прикладывать один к одному. И сложил все в одно место. Спрыскал холодной водой, и сделалась она живая. И не чувствовала в себе боли и оправилась к отцу. Отец спрашивает у нее:

— Здорова ли есть?

— Здорова.

И он у нее спрашивает:

— Как тебя лечили?

— Я не помню — говорит, — как меня лечили, а только не чувствую в себе никакой боли.

Граф за свою дочь привел их к деньгам, серебру и золоту. Дал им такую волю и денег брать, сколько хотят. Старичок говорит священнику:

— Батюшка, — говорит, — бери больше; мне, — говорит, — меньше надо.

Священник наклеил кошельки и карманы, и сумку золота. И отправились они из города. Старичок и говорит:

— Батюшка! Мы с тобой вместе-то деньги добывали, давай, поделим мы их!

Поп и говорит:

— А что ты мало брал-то? Тебе бы надо больше брать!

— Да давай-ко уж поделим.

Вывалили деньги оба в одну кучу, и потом старичок начал деньги эти раскладывать на три кучи. Поп у него и спрашивает:

— Кому же ты третью кучу кладешь? Нас, — говорит, — только с тобой двое.

— А эта третья куча тому, кто у нас просвирку съел.

— А я, — говорит, — просвирку съел!

— Да, как ты? Ты, помнишь, — говорит, — отпирался, что не я.

— Нет я, — говорит. — Право, ей богу, я! Ты, когда лазил на елку, я тогда просвирку и съел.

— Ну, когда ты всю просвирку съел, пускай все деньги тебе.

Склад по деньги и пошел домой. И доходит он до своего дома, и тропинка была прямо ему к дому. И надо было лезть через перелаз. Сумка вылетела у него из-за спины и упала за огород. И он остался по сторону огорода, а сумка упала по другую сторону. И тут его задавило.

ПОП И НИКОЛАЙ-ЧУДОТВОРЕЦ

Жил был поп. У попа были жена да дочь. Нанял он рабочего. Этот рабочий с поповой дочкой и сжились. Девушка работника сметанкой подкармливает. Попадья дозналась, а куда девается — не знает. Попу и говорит:

— Что же, батюшка, нам нечем вымазаться, сметана теряется.

— Попадья, накопи ведерко, я в церковь снесу, Миколу на сохраненье положу. Вот там никто не съест!

Накопила попадья ведерко, поп снес в церковь, поставил перед иконой Миколы Святителя. Этот работник и говорит:

— Ах, любушка, как же ты не стала кормить меня сметаной.

— Откуда я возьму, папаша сметану в церковь снесли, перед икону Святителя поставили.

— А дай мне хлеб, дай мне ключи, я пойду наемся.

Дала ему хлеб, дала ключи, пошел в церковь, сметаны наелся, взял у иконы усы вымазал, на бороду накапал, на грудь накапал, замкнул и ушел.

Пришел праздник, поп пошел в церковь. Заходит, на икону взглянул, икона в сметане, а ведро пустое.

— А! Вот на того да на другого грешим, а вот кто сметану ест!

Взял икону, на пол бросил, икона раскололась. Схватил ведро, побежал домой.

— Попадья, я Миколу Святителя расколол — сметану ест, я застал, он только рот запереть успел, обратиться не мог, все в сметане!

Попадья и говорит:

— Поп ты ведь не ладно сделал, ты икону расколол, — тебя растригут.

— Попадья испеки мне подорожников, я лучше убегу.

Попадья испекла подорожники и две просвиры, поп и пошел. Идет по дороге, сошелся с ним белый старичок.

— Куда, поп, пошел?

— А пошел я вот эдак, эдак сделал, — рассказал поп все подробно.

— Ну, пойдем вместе.

Пошли вместе, шли по дороге долго, до того шли, что есть захотелось. Сели закусывать. Закусили, хотели попить. Старичок говорит:

— Поп, иди за водой-то, пить захотелось.

— Что ты, старичок, разве подобает попа снаряжать? Поп может нарядить тебя, а не ты попа!

Старичок и пошел по воду. Поп усмотрел у старичка в мешке три просвиры.

— Как так? Я поп, да у меня две, а у него три!

Одну и съел. Принес старик воду, сел есть, а просвиры нет.

— Ты, поп, у меня просвиру не брал?

— А много ли у тебя было?

— Три, а нынче две.

— Я тебе не верю. Я и поп, а у меня две, а у тебя было три?!

Пошли вперед. Пришли до озера, а время — ночь, тем о, за озером огонь видно. Старик и говорит:

— Обойти кругом надо.

— Куда же пойдем, озеро большое.

Старик пошел по воде, поп за ним. Шли, шли, старик вышел на бережок, а поп посередке, в рот вода заливаается. Старик и говорит:

— Поп, можешь и утонуть, покайся: просвиру — не ты ли съел?

Поп думал, думал — стыдно.

— Нет, просвиру не я ел, хоть утону да не ел.

Поп пошел и помельче стало. Вышел из озера, пошли в дом, где огонечек был, зашли на крыльцо, двери заложены. Начали колотить, вышел хозяин.

— Нельзя вас пустить, у меня брат лежит третий год во гноище.

— Пустите, человека видите, за человеком не видите: мы, может, и полечить можем, — говорит старик.

Пустили их в избу. Взял старик, посмотрел, по спаям вырезал (больного).

— Несите из озера воды.

Принесли воды, куски все в воде перемыл, положил на полотенце, из кармана бугылочку вынул; раз брызнул — целый стал, другой раз брызнул — вздрогнул, третий раз брызнул — стал.

— Ах, как крепко спал, стал, слава богу, ничего не болит.

От радости брат здоровый дал им много денег.

Тем же манером они в трех местах были и трех человек вылечили, и денег им много понадавали.

После того поп один пошел, нашел посудинку такую, как у старика и зачерпнул водички. Шел поп и видит огонечек горит, постучался.

— У нас брат лежит третий год во гноище.

— Вы человека видите, а за человеком не видите. Может, я вашего брата и вылечу, — говорит поп.

Впустили. Как старик делал, так сделал и поп. Стал мужика резать, мужик ревет:

— Ой, ой, ой, караул, зарежет! Что вы дали меня резать-то?

— Ты почто ино так-то, зарежешь ведь брата-то.

— Молчите, я ведь не первого лечу.

Стих больной и реветь перестал. Вырезал по спаям, куски перемыл, расклат на полотенце кусок к куску, как следуег быгь, из кармана бутылку вынул, раз брызнул — ничего; другой раз брызнул — нет ничего; третий раз брызнул — как было, так и есть. Всю бутылку вылил.

— Что хотите надо мной делайте, больше ничем не могу пособить.

Братья говорят:

— Что станем теперь делать с тобой?

Загопили печку, изба была черная, попа в дым на потолок за ноги повесили. Попу худо стало. Вдруг стучатся у дверей. Отворили, пришел старик.

— У нас неладно, поп брата зарезал.

Старик и говорит:

— Поп, может, и умрешь, покайся: ты трегью просвиру съел?!

— Нет, не я, хоть в дыму задохнусь, не я!

Старик велел попа спустить.

— Я дело поправлю.

Сделал старик так, как и с первым, мужик ожил.

Вышли из избушки, пошли по дороге. Впереди две дороги. Старик и говорит:

— Поп, разве отдельно пойдём нынче?

— Поп себе думает:

«Один бы ходил, эти деньги все бы мне».

Старик разделил деньги на три кучи, поп стоит и думает:

— Кому ж он третью кучу делит? Неужли себе две, а мне одну. Ах, спросить бы.

Да и стыдно. Осмелился.

— Старик, кому третью кучу делишь?

Старик и говорит:

— А тому, кто третью просвиру съел.

— Старик, я ведь съел.

— Ну, на возьми, коли ты съел. Да вот что, поп, иди домой, икона-то цела, не расстригут тебя, только не говори наперво, что я сметану съел. Сметану съел работник, а ты работника не наказывай, а жени его на дочери, дочь-то с брюхом от него.

К Л А Д

В некоем царстве жил-был старик со старухою в великой бедности.

Ни много, ни мало прошло времени — померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная.

Пошел старик по соседям да по знакомым просить, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу. Только и соседи, и знакомые, зная его великую бедность, все начисто отказали.

Пошел старик к попу. А у них на селе был поп куда жадный, несовестливый.

— Потрудишься, — говорит — батюшка, старуху похоронить.

— А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед.

— Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки. Обожди маленько, заработаю — с лихвой заплачу. Право слово — заплачу.

Поп не захотел и речей стариковых слушать:

-- Коли нет денег, не смей и ходить сюда!

— Что делать? — думает старик. — Пойду на кладбище, вырою как-нибудь могилу и похороню сам старуху.

Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище. Пришел и начал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся. Копал-копал и выкопал

котелок. Глянул — а он полнехонько червонцами насыпан, как жар, блестят!

Крепко старик возрадовался:

— Слава тебе, господи! Будет на что и похоронить и помянуть старуху!

Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой.

Ну, с деньгами, знамое дело, все пошло, как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли, и гроб смастерили. Старик послал невестку купить вина и кушаньев и закусок разных — всего, как должно быть на поминках. А сам взял червонец в руку и потащился опять к попу.

Только в двери, а поп на него:

— Сказано тебе толком, старый хрен, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!

— Не серчай, батюшка, — просит старик, — вот тебе золотой — похорони мою старуху. Век не забуду твоей милости.

Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умирить:

— Ну, старичок, будь в надежде, все будет сделано.

Старик поклонился и пошел домой, а поп с попадьей стали про него разговаривать:

— Вишь, старый чорт! — говорят. — Беден, беден, а он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал.

Собрался поп со всем причтом и похоронил старуху, как следует.

После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу.

Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что взялось — и вино-то, и кушанья, закуски разные, всего вдоволь.

Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается.

Отобедали гости и стали по своим домам расходиться. Вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать и только вышел на двор — поп видиг, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать:

— Послушай, свет, покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха — все равно, как перед богом, так и предо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь на поди — откуда что взялось! Покайся-ка, свет, чью загубил ты душу, кого обобрал?

— Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого. Клад сам в руки достался.

И рассказал, как все дело было.

Как услышал эти речи поп, даже затрясся от жадности. Воротился домой, ничего не делает — и день и ночь думает:

— Такой лядаций мужичишко и получил эдакую силу денег! Как бы теперь ухитриться, да отжилить у него котелок с золотом?

Сказал про то попадье. Стали вдвоем совет держать. И присоветовали:

— Слушай, матка, ведь у нас козел есть?

— Есть.

— Ну, ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо.

Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру совсем: и с

рогами и с бородой. Тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадье:

— Бери, матка, иглу с ниткою;крепи кругом шкуру, чтоб не свалилась.

Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

Вот в самую глухую полночь пошел поп прямо к стариковой избе. Подошел под окно и ну стучать да царапаться.

Старик услышал шум, вскочил и спрашивает:

— Кто там?

— Чорт.

— Наше место свято, — завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать.

— Слушай, старик, — говорит поп, — от меня хоть молись, хоть крестись, — не избавишься. Отдай-ка лучше мой котелок с деньгами, не то я с тобой разделаюсь. Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал, думал — немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заграбил.

Глянул старик в окно — торчат козлиные рога с бородою: как есть нечистый.

— Ну его совсем и с деньгами-то, — думает старик. — Наперед того без денег жил и опосля без них проживу!

Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил на землю, а сам в избу поскорее.

Поп подхватил котел с деньгами и припустил домой.

Воротился:

— Ну, — говорит, — деньги в наших руках. На, матка, спрячь подальше да бери острый нож,

режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал.

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать, — как польется кровь как заорет он:

— Матка, больно, не режь! Матка, больно, не режь.

Начнет она пороть в ином месте -- то же самое. Кругом к телу приросла козлиная шкура.

Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли — нет, ничего не помогло. Так и осталась на попе козлиная шкура.

ЖАДНАЯ ПОПАДЬЯ

В одном селе жил поп и попадья. Рядом с ними жила старушка. Старушка та была бедная, только и хозяйства у нее было, что курочки. А попадья возьми, да и начни у нее красть курочек. Только и видела старушка своих курочек!

Плохонькая была старушка. Она знала, кто у нее гаскал кур, но никогда не роптала, а говорила:

— Бог с ним. Пускай берет, ему больше надо.

А попадья берет и берет курочек. Дошло до того, что остался один петух.

На другой день вышла старушка раненько кормить петуха, а нет уж и петуха. Она опять:

— Бог с ним. Пускай берет. Ему больше надо.

Вот дождались великого дня. Поп пошел к утрени, отправил утреню, а пока зазвонят к обедне, пошел домой. Приходит домой, а попадью узнать нельзя: вся обросла перьями. Он испугался, спрашивает ее:

— Что с тобою сделалось?

Она ему тогда и призналась:

— Так и так: покрала я курочек у той старушки, так, видно, бог меня за то и покарал.

Поп тогда к старушке:

— Христос воскрес, бабушка!

— Воистину воскрес!

— У вас, кажись, тут кража случилась?

— Нет, бог миловал, у меня все цело.

— Как нет? Я слышал, что у вас курочки пропали?

— Кто взял, что ж, батюшка, бог с ним. Ему, может, больше надо.

— Как же так, бабушка? Вас обидели, а вы молчите?

— Да бог с ним батюшка. Я, бог даст, дождусь лета, так куплю курочку, опять себе распложу.

— Так как же так можно, бабушка? Вы его хоть за это обругайте.

— Да бог с ним, батюшка!

Не хочет старушка и ругать вора.

Уже зазвонили к обедне, а поп все просит бабушку, чтобы она как-нибудь обругала своего злодея, пока не добился, что она сказала:

— Так чур его спек!

Поп тогда попрощался с ней и пошел домой.

Приходит, а попадья такая стала, как надо, без перьев.

Поп так обрадовался, что после обедни послал старушке всякой всячины поест: колбас, сала, крашанок и прочего.

СТАРИЧОК ОСИП И ТРИ ПОПА

Вот в одном селеньи жил старичок Осип. Жили они со старушкой двое. У них были две коровушки и лошадка, и амбаринко, и овинушко, и все такое. Однажды со старухой он стал разговаривать. Вот старуха:

— Мы живем, слава богу, хорошо, а хорошо бы пересехать когда-нибудь на пустошку одним пожить.

Этот старик на ответ:

— Не худо, старуха, пожить одним. Пожалуй, можно бы. А вот ужо, старуха, собранье будет, сбегутся соседи, я поговорю об этом.

Как собранье сельское собралось, пришел старичок Осип.

— Вот есть небольшая поскотина. Для оного будет.

Вот ссудили ему, сказали:

— Ну, с богом, только земли нигде не бери, только знай одну поскотину свою.

Старичку Осипу сделан приговор. Старичок преспокойно стал собираться на житье туда. Старичок потихоньку, помаленьку перевез избушку туда, поставил ее на место там, перевез овинчик, амбарчик, по-крестьянски. И стали они жить-поживать, да добро наживать, да земельку разделявать, распахивать, да сенокос чистить. Распахали земельку, посеяли овса, а овес уродился

на первый год очень хороший. Дождались того времени, как его надо обрабатывать. Намолотили овсеца, так что целый амбарчик овсеца навалили. И стали опять на другой год, и рожки посеяли на земле, потом овса посеяли. У них хлеба как народилось, очень много! И они стали жить так добро, хорошо и хлеба три амбара накопили. В одно время прекрасное легли спать старик со старушкой. Старуха ему и говорит:

— Теперь мы, слава богу, живем хорошо. У нас всего вдоволь, благодать господня. Как бы нам денег, так жизнь прекрасная была, премилая.

А старичок Осип и говорит своей жене:

— Вот баба, дура деревенская, из хлеба полдела деньги сделать.

— Да как, батько, сделаешь деньги?

— Да как сделаешь? Взять его возик или два да свезти на ярмарку, вот и деньги.

— Ну, так ладно.

— Ну, коли, старуха, денег захотела, иди в амбар и нагребай ржи, пудов тридцать воз:

Старуха, не будь глупа, зашла в амбар, нагребла ржи десять мешков. Нагребла, приходит домой.

— Ну, батько, я нагребла.

— Нагребла, так ладно.

Старик никаких манеров не дожидаясь, взял, наклап и поехал на ярмарку. Приехал он на ярмарку, стал на краешек базара. Стоит с хлебом, у него хлеба никто не купит, никто и не берет. Стоял, до вечера времени простоял,— никто не берет этого хлеба.

— Ну, делать нечего. Не итти ли в трактир, не возьмут ли хлеба там,— говорит.

Пришел он в трактир, видит, что буфетчик за буфетом.

— Что, буфетчик, хлеба тебе надо или нет?
А буфетчик ему на ответ:

— Как хлеба не надо. Да денег нет, все деньги в расходе.

— Ну, да что денег нет, я и вином запью.

Значит, этот буфетчик послал своего полового, приказал, чтобы хлеб весили. Свесили хлеба пудов тридцать. Пришел старичок в трактир, сел на стул, разболоч свой деревенский балахон серый, оттороченный сукном. Снял с себя шляпу трехугольную, скатанную из домашней шерсти. Вот его буфетчик и спрашивает:

— Что, дедушка Осип, много ли тебе вина надо?

— Да вина мне одну четвертную, да и будет, — говорит.

Как принесли старику четвертную водки на стол, подали ему стаканчик чайный. Старик сидит да вино попивает.

Вот как четвертную выпил, а против этой комнаты была другая, против дружки, дверь во дверь. Там в комнате сидел поп да чай пил и смотрит на этого старика.

— Смотри, — говорит, — какой старик старей-престарый, да четвертную водки выпил.

Старик этот подзывает к себе буфетчика:

— Буфетчик, подходи, буду рассчитывать с тобою.

Буфетчик подходит к столу. Он надевает шляпу треугольную, домашней катки, снимает с головы, о стол колотит.

— Ну, буфетчик, плачено?

Буфетчик ему:

— Ну, ладно, дедушка Осип, плачено, плачено!

А поп про себя:

«Что за чорт! Я чашку попью, и то пятак берет, а он четвертную выпил — ничего не платит!»

Старичок и говорит:

— Ладно, ехать пора домой.

Буфетчик приказал половым:

— Подите старику лошадь направьте честь-честью.

Старику лошадь направили, сел и поехал домой. Подъезжает к дому да песенки подпеваает. Услыхала его старушка, отпирает ворота и встречает старика. Встретила:

— Ой, слава богу, видно, с деньгами старик приехал, да водочкой еще угостили.

— Да, матка, — говорит, — угостили.

— Ну, старик, а как: деньги домой привез или нет?

— Нет, матка, не привез.

— А кому хлеб-то прода..?

— Да буфетчику.

— Ну, да ладно, не пропадет за буфетчиком; деньги, когда угодно, получим.

Живут недельку, живут опять и другую. Старик и говорит:

— А, матка, у нас хлеба много, еще воз свезти продать?

— Ну ладно, так, в самом деле, схожу, нагребу амбар хлеба.

Старуха сошла опять, нагребла десять мешков овса. Вот старик опять преспокойно уклад вoзoк, лошадку запрег и уехал. Съехал на базар. Стал

по край базара. Постоял, постоял — никто хлеба не купит, никто и не берет.

— Эх, чорт побрал! чем стоять, свезти опять старому буфетчику, тот возьмет!—говорит.

Вот опять старичок лошадку заворотил и повез хлеб в трактир. Приходит буфетчик.

— Что, буфетчик, хлеба не надо?

А буфетчик ему в ответ:

— Как хлеба не надо? Да деньги-то все в расходе.

— Ну, давай, да не разговаривай, я вином запыю.

Буфетчик приказал слугам свесить хлеб. Взвесили хлебец, старичок пришел в трактир. Ну и спрашивает его буфетчик:

— Ну что, дедушка, много ли тебе вина надо?

Старичок Осип:

— Да мне вина теперь нужно две четвертные.

Вот старику принесли вина две четвертные, поставили на стол. Старик, как сел за стол, снял с себя серый балахон домашний, домашнюю шляпу, катаную, трехугольную.

Как он выпил две четвертные, а в другой комнате сидел да водочку пил поп. Вот как Осип выпил винца, и говорит:

— Ну, буфетчик, подходи рассчитывать буду.

Старичок шляпу с геловы снимает и колотит во стол шляпой трехугольной.

— Плачено? — говорит.

Буфетчик говорит:

— Ладно, ладно, дедушка Осип, плачено! По-езжай с богом!

А поп сидел, сороковочку выпивал и думает сам про себя:

— Вот я сороковочку выпью, деньги нужно огдать, а со старика не берут.

Как старик одевается, с богом и отправляется домой. Приезжает домой, песенки запекает. Старуха выбегает, радостно старик, встречает. Вышла, ворота отворила.

— Что, старик, привез деньги?

— Нет, — говорит, — matka, не привез, у буфетчика все деньги в расходе.

А она ему в ответ:

— Ну, ладно, за буфетчиком деньги не пропадут.

Старик ей говорит:

— Да, вот на такое-то число посулил, деньги отдаст.

Вот опять дома живут недельку, другую. Опять старик старухе говорит:

— Что, старуха, давай хлеба продадим еще?

— Ну, ладно, старик, давай продадим.

Вот старуха сошла в амбар и давай ржи нагребать десять мешков. Старик опять воз наклам, лошадку запрег и поехал опять на ярмарку. Съехал на ярмарку, постоял, постоял, хлеба никто не берет, никто и не купит. Постоял опять.

— А чорт! Место знаю, пойду свезу старому буфетчику, денег нет — вином запью.

Приехал к старому буфетчику и говорит:

— Что, хлеба надо?

А буфетчик ему на ответ:

— Нам, дядя Осип, хлеба-то надо, да деньги-то все в расходе.

— Ну, да ладно, я вином запью.

Буфетчик приказал прислуге взвесить хлеб. Вот как свесили хлеб, вот старик приходит в трактир и говорит:

— Давайте вина три четвертные. Две себе, да четвертная старухе за утруждение.

Старичок преспокойно снял домашний балахон да шляпу. Сидит, вино пьет да песенки поет.

Как водочки две четвертные выпил, опять таким способом напротив этой комнаты сидел поп да бутылочку водочки пьет. Этот сам себе поп говорит:

— Что за чорт! Какая лафа! Вино пьет, а денег не платит.

Старик выпил две четвертные.

— Ну, буфетчик, подходи. Пора домой ехать, буду с тобой рассчитывать.

Вот буфетчик подходит к столу. Старичок Осип снимает шляпу домашней катки и колотит о стол. Осип буфетчику и говорит:

— Ну, плачено, буфетчик?

А буфетчик:

— Ладно, ладно, дедушка Осип, поезжай с богом!

Буфетчик приказал дедушке лошадку выправить на дорогу. Дедушка в сани сел да песенки запел. Приезжает к дому, старушка выбегает, старичка встречает:

— Ну, что, старик, привез ли деньги?

А он на ответ:

— Нет, старуха, буфетчик посулил на такое-то число денег.

Выпрягли они лошадку. Старушка самоварчик поставила и сели чай пить. Этот старик и говорит старухе:

— Поди, старуха, в санях четвертная водки стоит.

Вот старушка сходила, четвертную водки принесла. И начали они водочку распивать и песенки попевать. Песенки попели и преспокойно улялись спать.

Вот однажды время, собрались попы на собрание. Выпили водочки попы и потом стали разговаривать кое про чего и про мелочи. Один скажет:

— Ох, у меня лошадь хороша!

А другой говорит:

— Что ты лошадь?! У меня попадья хороша!
Вот есть чем похвастать.

А третий поп говорит:

— Эго что за рассказы?! А я вот штучку знаю, так знаю! А вот я однажды съехал в город, зашел в трактир, приказал чаю на одного. Подали мне чай и сижу и чаек попиваю. А потом, вокурат комната против комнаты, сидел мужик да вино пил, четвертную. А выпил четвертную, вдруг кликнул буфетчик и говорит: «Подходи, буфетчик, буду рассчитываться». А я на него все смотрел. Буфетчик подошел. Вдруг он снимает трехугольную шляпу и колотит о стол: «Ну, буфетчик, плачено?»

Другой поп говорит:

— Да что ты! Да и я эту штуку видел!

Опять третий поп:

— Да что бахвалите! Да и я эту штуку видел, что шляпа платит деньги!

Вот как попы принапились пьяные вдрызг, один поп и говорит:

— Вот кабы эта шляпа нам, попам, так мы бы попили!

А эти три попа были родственники: тесть с двумя зятьями. Эти попы сговорились между собой и стали разговаривать, что «давайте поедем и купим эту шляпу у Оськи-старика».

Сговорились, запрягли лошадь и поехали. Доехали до деревни. Приехали и спрашивают дорогу:

— Где-то есть такой старичок, зовут Осипом?

Тут им в деревне рассказали дорогу, где старичок живет. Вот они туда и поехали. Едут его стариковой пустошью. Как раз выезжает сам Осип из лесу, везет воз дров. Увидал старик попов.

— Здравствуйте, батюшки! — говорит.

Вот эти попы:

— Дедушка, Осип. Мы к тебе едем, к вашей милости.

— А зачем вы едете?

— Да вот нам сказали, что у вас такая-то шляпа есть (что сама деньги платит), вот мы идем купить шляпу.

Дедко и говорит им:

— Да что вы, продам ли я шляпу! Она меня поит и кормит, и баско водит!

— Да, дедушка, мы тебе денег за шляпу много дадим.

— Много ли, батюшки, денег дадите?

— А сколько?

— А ниже пятисот не отдам. Да и то в том условии, как старуха согласится. Та отдаст ли?!

Поехали со стариком к его дому. Приезжают. Старуха выбегает.

— Ах, здравствуйте, батюшки!

— Здравствуй, бабушка, здравствуй!

— Ой, я сейчас, батюшки, самоварчик поставлю да вас чайком угощу.

А они ей на ответ говорят:

— Ой, бабка, мы не для чаю приехали, а дело делать:

-- А зачем, батюшки?

-- Да вот, у дедки шляпу покупать приехали. Вот мы у дедки шляпу сторговали.

— А за сколько вы, батюшки, шляпу сторговали?

— Да за пятьсот рублей.

— Что вы, батюшки! Дедка-то вам шляпу продал, а я не продам.

— А что, бабушка, что не продашь? Ведь денег много—пятьсот рублей.

— Что вы, батюшки, у нас шляпа поит, кормит и баско водит!

Ну, старуха говорила:

— Делать нечего. Только вам я ниже пятисот пятидесяти рублей не отдам.

Три попа друг на дружку поглядели.

— Ну, да уж пятьсот рублей дали, а пятьдесят рублей не убьют нас, отдадим. На троих чего стоит?!

Отдали пятьсотпятьдесят рублей денег за шляпу.

Тесть и говорит зятьям:

— Ну, вы как хотите, любо не любо, я вам шляпы не отдам. Попробую сам, каково шляпа работает.

Как попы от Осипа уехали, тесть и поехал на ярмарку в город, нарядился в эту неражую шляпу, деревенскую, трехугольную и поехал в город. Приехал в город, зашел, где почище гостиница, занял там два номера себе, две комнаты.

привел гостей и стал приказывать разных вин и кушаний. Эти гости попиروвали, оделись и домой отправились по домам все. Этот поп остался один, надо рассчитываться с буфетчиком.

— Ну, буфетчик, подходи, буду рассчитываться.

Снимает эту шляпу с головы трехугольную и колотит о стол.

— Ну, буфетчик, плачено?

Вот буфетчик и говорит:

— Что ты, батюшка, меня морочишь?! Деньги отдай пятьдесят рублей!

— Ах, извините, буфетчик, верно, не тем углом колонул!

Ну, вот и другим углом колонул, дело ничего не выходит.

— Ну, буфетчик, плачено?

— Да что, батюшка, где плачено?! Деньги отдай.

Ну, делать нечего. Как поп ни упирался, надо денег отдать пятьдесят рублей.

«Ах, чорт тебя побори! Наказала меня шляпа на пятьдесят рублей».

Делать нечего, отдал поп пятьдесят рублей.

«Ну, ладно, и зятям не скажу! Они побогаче — пускай изъян примут».

Домой приехал, помалкивает себе преспокойно. Приезжает к нему на дом старший зять.

— Ну, что, тесть, какво шляпа отвечала?

Ему на ответ:

— Ну, шляпа ответиг. Хоть на сто рублей, так заплатит.

И поехал старший зять опять это в город. Приехал в город, пришел, выбрал почище го-
сгинуцу и взял себе две комнаты и набрал

там гостей вдвое больше, чем у тестя. Набрал гостей — попов, учителей, всех там набрал. Гости пришли, и давай их угощать. Приказал носить буфетчику разные водки и кушанья, и всего. Гости погостили честь, честью поблагодарили за хлеб за соль, и отправились домой. Этому попу надо рассчитывать с буфетчиком.

— Ну, буфетчик, подходи к столу, рассчитываться буду с тобою.

Буфетчик подошел к столу. Ну, этот поп снял с головы шляпу трехугольную. Колотит о стол.

— Плачено? — говорит.

Вот буфетчик смотрит и глаза выпучил:

— Да что ты? Меня морочишь что ли?! Отдай деньги сто рублей мне! Вот вас другой поп такой дурак находится. Что вы морочите?

Вот поп и говорит:

— Ах, извините, не тем углом колонул.

Колонул.

— Плачено? — говорит.

Буфетчик:

— Да что ты, как плачено?!

— Ах, извините!

И третьим углом колонул. Буфетчик ему:

— Да что ты, батюшка? Плати, не то полицию позову, с грехом отдашь.

Попу делать нечего, сто рублей, да надо отдавать, да сто рублей не пеша ходит!

«Ну, ладно, так и сяк — пускай, и я свояку не скажу. У него приход хороший, побогаче моего».

Приезжает свояк к свояку и спрашивает:

— Ну, что, свояк, какво шляпа работает?

А он ему в ответ:

— Да шляпа хоть на сто рублей ответит.

Свояк у свояка взял шляпу и поехал в город. Приезжает в город, в гостиницу, просит номер для гостей. Взял две комнаты, набрал гостей даже больше, чем свояк, втрое больше. Ну, как гости пришли, приказал этот поп буфетчику носить разных вин и кушаний. Гости попиروвали, погостили и отправились по домам. Остался поп, надо рассчитываться. Вот поп шляпу надевает и буфетчика призывает. Буфетчик подходит.

— Подходи, рассчитываться буду.

Поп шляпу с головы снимает, колотит о стол:

— Буфетчик, — говорит, — плачено?

А буфетчик глядел, глядел:

— Да что это у вас третий поп находится такой дурак, да все с этой шляпой!

Буфетчика разгорячили, он взял попа, сгреб за косы и давай рвать. Делать нечего, поп закричал:

— Ладно, чорт поberi! Отдам деньги, только оставьте!

Вынул кошелек из кармана и отдал полтора-ста рублей денег и поехал домой. Приехал домой.

Три попа и собрались в одном месте: тесля с тремя зятьями. Как они водочки выпили, напились пьяными и стали разговаривать. Один поп и говорит:

— Поедем, уьем Оську-старика!

А в то время как они разговаривали, ходил зимогор (в Петербурге зовут «посадский») он эти разговоры услышал, что попы старичка убить хотят. И сейчас же отправился посадский к старику. Приходит в деревню. Спросил дорогу, приходит к старику этому, Осипу, и говорит:

— Дедка Осип, тебя хотят такие-то попы убить.

Старик Осип посадского чаем напоил и на напойку чайку дал, и сахару, и краюшку хлеба.

— Ну, спасибо, что сказал. Вот, старуха, приедут, нас убьют. А пристать некому, а людей мало у нас.

Вот и придумал.

— Вот что, старуха! Я снаряжу крест, и потом ты меня наряди, я лягу в передний угол, ты меня саваном закрой, а сама ворота запири, ходи по сараю и причитай.

Через некоторое время слышит, что попы едут: приехали попы, стучат у ворот, а старуха ходит по сараю да причитает. Эти попы ломаются в ворота.

— Ой, да куда вы, батюшки, приехали, как и старик у меня помер, надо снаряжать да класть в гроб. Вот хожу, веточки собираю, отречей да веников в гроб покласть.

Вот никаких делов, ворота выломали и в избу вошли, а старуха та все ходит по сараю и причитает, и в избу не заходит. Один поп и говорит:

— Вот я его за пятьсот рублей мертвого да крестом колону!

Вот как колонул раз крестом, а тот руку и откинул. А другой поп и говорит:

— Ну, ты неладно колотишь. Дай-ка я хорошенько.

Взял другой поп крест в руки и ударил. Он опять ногу откинул, а третий поп говорит:

— Ну, вы неладно колотите, дайте-ка я колону, он сейчас вскочит.

Вот третий поп взял крест да как его ударил! Старик упал с лавки, попу в ноги бух:

— Ой, батюшка, спасибо тебе, спасибо! Ожил меня, а не то старухе беда бы без меня жить была.

Попы обратно лошадь повернули и уехали. Приехали домой, разъехались по своим домам.

Вдруг по всей России Империи и пошел слух: в таком-то городе такой-то помер генерал. Жена генерала дала знать по всей России: кто воскресит ее мужа, того наградит несметной суммой. Попы собрались вместе и стали между собою толковать. Вот один поп и говорит:

— Мы одного старика Осипа воскресили этим крестом. Возьмем его, пойдем и купим у старика этот крест.

Вот эти попы запрягли лошадь и поехали туда, к старику. Приехали к старику и стали говорить:

— Дедушка, мы к твоей милости приехали.

— А зачем, батюшки, приехали?

— А вот приехали, крест у тебя надо купить нам.

— Что вы, батюшки, продам ли я крест? Он меня поит, кормит и баско водит. Я, глядишь, кого угодно воскрешу! Мне и дают то пятерочку, то десяточку. Вот я со старухой живу и питаюсь этим.

— Ну, да что, дедушка, продашь крест?

— Да ведь как, батюшки, продать-то? Сколько дадите мне?

— А сколько, дедушка, возьмешь ты-то?

— Да ведь как, батюшки. Как вам любо, не любо, а я ниже пятисот креста этого не отдам.

Вот эти попы друг на дружку посмотрели и пятьсот рублей отдали за крест. Сели и поехали. Приехали домой и из дому отправились в город, где умер генерал. Приехали, допросились, какой номер дома, какая квартира, — дом № 50, квартира 33. Приходят на кухню туда, их спрашивают:

— Вы оживлять пришли?

— Точно так, мы оживлять пришли.

Их пустили в комнату, где генерал был наряженный. Тогда заперлись в комнату. Там их только трое. Один одному и говорит:

— Давай крестом.

Один взял крест и взял шмякнул генерала крестом. Покойник не встает. Один и говорит:

— Ты не ладно колотишь, дай я снова колону.

Вот, как снова колонул, так еле со столов не уронили, а родитель не встает. Вот третий опять поп говорит:

— Дай-ка я свистну, так он у меня вскочит.

Третий так его ударил, что череп с него сшиб. Потом они испугались и схоронились под столом. Захватят — беда, никуда не уйдешь. Оживить не оживили, а наказовать наказовались. Вот друг дружку стали толковать. Один поп и говорит:

— Вот что, давай сделаем условие, чтобы никто три часа к нему не ходил. Вот они так и сделали; вышли на кухню, сейчас генеральше:

— Вы только через три часа идите туда в горницу, а пока не ходите.

Три часа, времени много. Помаленьку, понемногу надо утянуть из города. Вот лошадей наняли и тягу из города. А уж на ихние деньги старичок Осип кабачок открыл. Преспокойно, как

старушка померла, себе водочку поторговывает. Вот эти попики и едут. Едут, увидали, что вывеска старичка Осипа на кабачке. Один поп посмотрел:

— Ух, здесь Оська торгует. Ишь на наши деньги как хапит!

Один поп и говорит:

— Он за наши деньги хапит, пойдем уьем его!

А два попа:

— А как мы его уьем? Поедем мимо.

— Нет, нельзя, надо убить его.

Слезли с тарантаса, ящик повернул копей и уехал. Раньше кабаки ставнями закрывались. Старичок все ставни закрыл — понасть к нему нельзя. Вот один поп говорит:

— Я попаду.

Перелез через забор — и к окошку. Взял полено, разбил это окно и полез туда. Полез, а старичок-то, не будь глуп, сейчас туда, взял топор и бац его по голове. Этому попу делать нечего. Взял его за косы, затащил в кабак и бросил за бочку сороковку. Вот там два попа стоят и между собою толкуют.

— Что же он так долго старичонка убивает? Поди-ка, — посылает другого, — вам вдвоем все сподручнее — скорее уьете.

Другой поп туда через забор. Приходит к окну, опять таким образом влезает, как и тот. Старичок опять ударил его обухом и свернулся тот. Взял за косы, вытащил в окно, опять за бочку бросил. Потом третий поп стоит, ждет, долго дожидается, сам себе и говорит:

— Что за чорт! Неужели двое его убить не

могут? Наверно помирились. Вино пьют там. Надо игти и мне.

Вот третий поп через забор, и тот туда. Опять к окну подошел и полез. И опять таким способом по лбу обухом ударил и убил.

Вытащил этого попа за косы и повалил в передний угол на лавку. Этот поп лежит. А у Осипа был такой человек, вроде как звали его Василием. День ходил — куски собирал, а к ночи в кабачок к Осипу. Пришел этот Василий ночевать. Вот Осип и говорит:

— Ой, ты, Василий, Василий, чего вчера не пришел. Какой-то был, — говорит, — не знаю, поп, не знаю монах, вино выпил и меня прибил.

Вот этот Василий и говорит:

— Вот, дядя Осип, давай его потоплю.

Вот Василий взял монаха на плечо и понес в озеро топить. Взял на дорогу бутылочку водочки в карман и пошел преспокойно. Дошел до озера. Принес этого попа. Бац, только в прорубь его, утопил, да сам и смотрит, не выходит ли где. Посидит, посидит, да стаканчик и выпьет. Как посидел до вечера, стало холодновато. И отправился опять к старику Осипу. А уж старик Осип, не будь глуп, повалил опять попа на эту же лавку. Васька приходит к Осипу, отворяет двери и спрашивает у дяди Осипа.

— Что, дядя Осип, поп пришел или нет?

Осип говорит этому Василию:

— Еще хуже стал хуже, пришел сердитый.

— Да что? Кажется, я его топил, да посмотрел в прорубь, не выходит ли оттуда. Ну ладно, дядя Осип. Давай я потоплю, да подольше посижу — четвертную водки дашь.

Вот взял попа на плечо, а четвертнюю под пазуху. Донес его до озера. Опять таким же манером в прорубь, бац туда, только пузырьки пошли. Вот ладно. И сидит. Сидит, стаканчик выпьет, да в прорубь поглядит, не выходит ли оттуда поп. Как просидел суточка, стало светать, на свет посмотрел, на все стороны, не видать попа.

— Значит, без отрыжки готово!

Опять преспокойно пошел к старику Осипу, в кабачок. Приходит в Кабак и спрашивает у дяди Осипа:

— Что же, дядя Осип, пришел ли поп?

А Осип ему в ответ:

— Да что, Василий, пришел еще сердитее, меня почти прибил и вина больше выпил.

Василий не видел, что в углу лежит третий поп.

— Давай полведра вина. Значит, я этого п на снесу, значит, без отрыжки, не придет. Два дня просижу.

Осип дал полведра, он взял полведра, попа на плечо и к озеру. Вот принес к озеру, бац его в прорубь, только пузырьки пошли. Стоит вверх ногами, березой. Сидит себе Василий, покуривает, да водочку попивает. Вот он суточка сидит, другие сидит, попа все нет, не выходит из озера; значит, утопил уж.

И на другие сутки сидит, досидел до свету. А дело это было перед воскресением. Церковка была у озера. Как стало светать, сторож звонит. Надо заутреню служить. Оделся и пошел бережком. Вот Василий увидал этого попа, что поп идет, вскочил, да за попом.

— Ах ты, чорт косматый. Я тебя три раза утопил, а ты все выходишь.

Поп испугался, говорит:

— Что ты? За что меня так?

А Василий:

— Эх! За что ты у Осипа старика все вино припил и его прибил? Я тебя прямо утоплю.

Никаким богам не мог молиться поп. Схватил его Василий за косы и понес в прорубь. Донес до проруби, взял за ноги:

— Кайся грехами.

Попу не охота умирать. Взял его Василий за ноги, да и бац его туда, только пузырьки пошли. Утопил, посидел и отправился к Осипу старичку.

Пришел и спрашивает:

— Ну что, дядюшка Осип, не приходил поп?

— Нет, батюшка, не приходил.

— Ну, значит я его утопил.

Сторож звонил, звонил, а все попа нет. Что за чорт. Попа все нет.

— Пойду домой, к попу схожу.

Пришел и спрашивает:

— Где, матушка, батюшка?

— Да батюшка ушел в церковь.

— Да как же, матушка ушел в церковь. Я бы увиде, трезвонить стал — да, наверное в церковь пришел туда.

Сторож обратно вернулся в церковь, посмотрел — в церкви нет. Стали попа искать, поискивать, найти не знают где. Тем и кончилось.

Я там тоже был, сказки сказывал, кто слушал, тот скушал, а кто сказал, тот слизал.

ЖАДНЫЙ ПОП

Жил был поп. Имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал. Если кто не приносил гривенника, того и на исповедь не пустит, а начнет срамить:

— Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог собрать гривенника, чтобы духовному отцу за исповедь дать. Ведь он за вас, окаянных, богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик медный пятак. Поп просто взбесился:

— Послушай, проклятый, — говорит ему, — откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься что ли?

— Помилуй, батюшка, где я больше возьму? Что есть, то и даю.

— По кабакам носить, небось, есть деньги! а духовному отцу одни грехи тащишь. Ты про эдакой случай хоть укради что, да продай, а священнику принеси, что подобает, за одно уж перед ним покаешься и в том, что своровал, так он все тебе грехи отпустит.

И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди.

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает:

«Что мне с попом делать?»

Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

— Дай-ка, — говорит сам себе, — попробую эту шапку утащить.

Унес шапку и потихоньку вышел из церкви, да и прямо в кабак. Тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну, что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка.

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка! Украл шапку да и продал за гривенник.

— Пот взял этот гривенник и говорит солдату:

— Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю.

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню, отслужил и стал домой собираться, бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее утащил?

— Да в нашей церкви висела она на поповской палке, у самого клироса.

— Ах ты, сукин сын, такой-сякой, как смел ты уворовать шапку своего духовного отца?

— Да вы, батюшка, сами меня от того греха разрешили и простили.

ПОХОРОНЫ КОЗЛА

Жили старик со старухою; не было у них ни одного детища, только и было, что козел: тут все и животы! Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало куда старик не пойдет из дому, козел бежит за ним из дому. Вот однажды случилось итти старику в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям и травку щиплет; щипал, щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему и увидал золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик! — говорит старуха, — это нам бог дал такой клад на старость за то, что сколько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха! — отвечал ей старик, — эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым; теперича нам жалеть и беречь козла пуще себя! С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и самито поправились — лучше быть нельзя. Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе —

поживают, никакого горя не знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать:

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и перед людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу похоронить козла по христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер. Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе.

— Ах ты, окаянный! Что выдумал! — вонючего козла хоронить.

— Так ведь этот козел, батюшка, был совсем-таки православный; он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрен! — сказал поп, — я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя давно уж помер.

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтобы приготовлялся; сейчас пойдем козла хоронить.

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец-дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла, он-то и помер!

Как зачал дьякон хлестать его с уха на ухо!

— Не бей меня, отец-дьякон! — говорит старик. — Ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал, тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар и глуп! — сказал дьякон, — что ж ты давно не известил меня о его православной кончине; ступай скорей к дьячку: пушай позво-нит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, прозвони по козловой душе.

И дьячок рассердился, начал старика за боро-ду трепать.

Старик кричит.

— Отпусти, пожалуй, ведь козел-то был пра-вославный, он тебе за похороны пятьдесят руб-лей отказал.

— Что ж ты до этих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы давно уж прозвонить!

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к ста-рику поп и дьякон и начали похороны отправлять; положили козла в гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что-де поп козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом:

— Как вы смели похоронить козла? Ах вы безбожники!

— Да ведь этот козел, — говорит старик, —

совсем был не такой, как другие козлы; он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупый старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

ПОП
ЛЮБОВНИК

ИВАН И МАРЬЯ

Жил Иван с Марьей в одной деревне. Марья у него была очень красива. В одно время собралась на погост итти в праздник; спросилась у своего мужа. Муж дозволил ей сходить к службе. Вот она пришла на погост, в церковь вошла, стала против царских ворот. Поп взглянул на эту Марью — влюбился в нее. Обедня отошла, пошли ко кресту. Эта Марья подходит ко кресту, священник Марью отстранил:

— погоди, Марья, вот весь народ отойдет, тогда и ты подходи!

Весь народ ко кресту отходил, последняя Марья стала, к кресту подходит.

— Что, Марья, нельзя ли к тебе на ночку притти?

Марья, подумавши, сказала:

— Приходи в такие-то часы, принеси столько-то денег.

Потом Марья из церкви пошла вон, сзади ее дьячок догнал:

— Что, Марья, нельзя ли притти?

Марья сказала:

— Что же, можно: приходи в такие-то часы и приноси триста рублей денег.

Потом встретился пономарь с ней.

— Нельзя ли, Маша, на ночку притти?

— Можно, приходи в такие-то часы и приноси триста рублей.

Потом приходит Марья домой и рассказывает своему Ивану:

— Что, Ваня, желаешь ли сегодняшнюю ночь богачом быть?

— Да как же, Маша, где я возьму богатство? Не худо разбогатеть!

— А вот, Ваня, слушай меня: сегодняшнюю ночь будем богаты.

— Ну, ладно, Маша, будем слушать.

Потом продолжали говорить до тех часов, в которые велено священнику притти. Тот час подошел, что надо быть священнику. Марья говорит Ивану:

— Ваня, одевайся, иди вон из избы.

Ваня оделся, вышел из избы. Поп пришел. Сей-час Марья поставила самоварчик, угостила. Поп потом и говорит:

— Пожалуйте, Марья, на постельку.

— Позвольте триста рублей— денежки вперед!

Вот поп Маше деньги отдал.

— Ну, теперь, Маша, можешь идти на постельку.

Вдруг в тот раз Ваня застучал в окно:

— Отворяй двери, ты с любовником занимаешься.

Этот поп сразился¹ в этой избенке.

— Куда деваться? Куда, Марья, меня спрячешь?

— Куда я тебя спрячу? Поди спрячься в кузов на полати.

А кузов был с сажой (печка-то была черная).

¹ Забегал,

Он в кузове там и сидит, что барин хороший. Время тут и продолжалось все. Время итти дьячку. Марья и говорит своему Ивану:

— Ну, Ваня, справляйся, вон иди из избы.

Ваня справился и ушел вон. Вдруг приходит дьячок, сейчас таким же манерчиком поставила самоварчик. Дьячка угостила.

— Ну, пожалуйста, Маша, на постельку, — говорит, — теперь.

— Пожалуйста денежки вперед, а потом и на постельку пойдем.

Вот дьячок и отсчитал триста рублей. Денежки она убрала и справляется итти на постельку. Вдруг в тот час Ваня застучал:

— Отпирай, Марья, двери, ты с любовником занимаешься.

Тут дьячок ссоваля:

— Куда, Маша, спрячешь меня?

— Мне спрятать некуда, окромя ступай на полати в кузов.

Дьячок вскочил в кузов, слышит, кто-то есть еще. Потом спрашивает:

— Тут кто такой?

— А ты кто такой?

— А я, — говорит, — дьячок.

— А я, — говорит, — поп.

— Ну, славно попали, — говорит, — сюда.

Потом Ваня вбежал в избу, поматюгался, поматюгался и никого не нашел. Марья и говорит ему:

— Тебе снится, никого не было. Я сижу одна.

Потом Марья высылает Ваню опять: надо быть время пономарю. Ваня справился, ушел вон. Вдруг приходит пономарь.

— Ну, как, Машенька, нам с тобой призабавиться?

— А вот я сейчас самоварчик подогрею, поьем чайку.

Вот чайку попили, пономарь и говорит:

— Ну, можно итти и на постельку.

— Пожалуйста триста рублей — денежки наперед, и можно, — говорит, — на постельку.

Пономарь денежки отсчитал, отдал. Только хотели итти на постельку, Ваня застучал в дверь:

— Ты опять с любовником занимаешься?!

Вот пономарь избегался.

— Куда же ты меня, Маша, деваешь?

— Куда я тебя спрячу? Мне некуда, окромя в кузов. Полезай на полати.

Вот пономарь вскочил на полати, слышит, что там еще двое есть. Пономарь спрашивает:

— Кто тут в кузове есть?

— А ты кто такой, новенький, вскочил сюда?

— А я, — говорит, — пономарь, а вы кто такие здесь сидите?

— А мы сидим: поп и дьячок.

— Ну, ладно, хорошо. Все трое собрались здесь, так и выйдем отсель.

Потом Ваня вбежал в избу и заматюгался.

— Нельзя, Маша, выйти от тебя, как выйду, так у тебя любовники все. Куда же ты девала своих полюбовников? Сейчас видел, как ты сидела с ним.

— Что ты, Ваня, никаких полюбовников у меня не было! Одна сижу. Тебе привидение делается.

— Какое же мне привидение делается, когда

сейчас видел—вы двое сидели. Непременно они у тебя в кузове посажены на полати. Пойду спихну этот кузов с полати.

— Что ты, Ваня, ведь ты знаешь, целый кузов сажей напахан, ведь ты спихнешь, все в избе загадишь.

Ваня надумал, разыскал полог, взял этим пологом кузов закрыл и потом веревкой завязал; взял этот кузов и спихнул с полатей и потом поволок его вон, поставил его на дровни и привязал веревкой. Запряг лошаденку и поехал в город с этим кузовом. Вот подъезжает близко к городу — едут из города поросятники с поросятами, тоже в кузове. А он и кричит:

— Эй, заморские зверьки везу продавать в город!

Эти поросятники услышали, у них сердце забилось, надо этих зверьков променять на поросят. Вот они съехались в одно место. Эти поросятники и говорят:

— Чего, дядя, везешь в кузове?

— Везу, — говорит, — заморских зверьков в город продавать.

— А много ли у тебя зверьков? — говорят.

— А три штуки.

— А давай с нами меняться на поросят, у нас двенадцать штук поросенков.

— О, брат, что ваши поросята! Ваши поросята дешево стоят. Мне нужен хлеб, а хлеба у меня нет, я съеду в город, зверьков продам — мне денег много дадут, я хлеба куплю.

— Так все-таки мы придадим тебе сколько придачи. Мы все-таки променяем.

— Ну, так что же, — говорит, — триста рублей придадите, сменяю.

— А покажи, какие у тебя зверьки.

— Нет, господа, показывать нельзя; если здесь я развяжу кузов, то они все разбегутся, зверьки.

Ну, потом поросятники согласились триста рублей придать и сменять. Сменяли, триста рублей придали, лошадей перепрягли и поехали. Ваня воротился назад, а поросятники в город. Не доехав до города, остановились.

— Надо посмотреть, каких мы променяли зверьков. Как будем продавать? Неужели мы трое, да выпустим?

Сейчас взялись, развязали кузов. Эти зверьки соскочили и латата. Эти поросятники испугались, словно черти, оттуда выскочили: длинноволосые да в саже, поневоле испугаешься. Вот отбежали за канаву, испугались и глядят, куда они побежали. Потом задумались.

— Что же мы задаром триста рублей отдали и двенадцать поросят, и таких чертей купили, да и те ушли.

Потом подошли к своей лошади, сели и поехали домой без денег и поросят. Потом Ваня приезжает домой к своей Маше с тремястами рублями денег и двенадцатью поросятами. А Маша говорит:

— А я нажила девятьсот рублей.

Ваня говорит:

— Ну, слава богу, Маша, теперь мы богаты.

И стали жить-поживать счастливо.

ИВАН ИВАНОВИЧ

У богатого мужика была дочь, он ее ни за кого не выдавал. А недалеко жил сапожник, Иван Иванович, шил да песни пел, шил да песни пел. Сшил попу сапоги, а поп за работу дал ему все копейками. Ну, ладно. Вот Иван Иванович посылает к богатому мужику просить четверика смерять деньги. Богатый мужик усумнился:

— «Неужели у него столько денег, что он пересчитать не может. Не даром порато он весел».

Послал послушать работника. Иван Иванович положил поповские деньги в четверик, потом на пол, так взад и вперед грохочет; только звон стоит, как деньги брякают. Копейку в щель зачихал и четверик отнес. На другой день опять приходит, просит:

— Сегодня серебро перемерять.

Гривенник зачихал в щель и назад четверик отнес. На Пасху пришел Иван Иванович к богатому купцу в гости. Вот богатый мужик и говорит:

— Иван Иванович, вы бы женились.

— А что жениться, на бедной не хочется, а богатой не дают.

Богатый и говорит:

— Да, пожалуй, я бы Машу отдал.

И свадьбу сделали, приданое хорошее дал. Иван Иванович женился, приданое пропил,

а Машенька этой жизнью довольна была, жила с ним хорошо.

Раз приходит Машенька к обедне, поп глядел, глядел, да и обзарился: — «А что попросить?!»

И дьякон засмотрелся, и дьячок тоже вздумал. Обедня отошла, поп Машеньку настиг и говорит:

— А нельзя ли, Машенька, притти с тобой позабавиться?

— А приди.

После попа и дьякон настиг. Она и дьякону то же сказала. А после дьякона и дьячок.

Мало времени, поп и бежит. Машенька за самовар посадила; сидят, разговаривают.

— Ах, кто-то идет?!

— А я куда?

— А поди во двор, на полку сядь.

Поп и сел. Пришел дьякон. Машенька и его к самовару посадила; сидят, чай пьют. Мало, и опять ворота брякнули.

— Ах, кто-то идет?!

— А не муж ли? А я куда?..

— А поди во двор, на полку сядь.

Дьякон на полку заскочил, — сидит поп.

— Ты, поп, пошто здесь?

— А так. А ты пошто?

— А я так.

Пришел дьячок, сели чай пить, и опять ворота брякнули, Иван Иванович сам идет. Она и дьячка на полку посадила. Иван Иванович и говорит:

— Эх, Машенька, ты сегодня одна сидишь; ты бы от скуки ради пригласила попадью, дьяконицу да дьячиху; вы бы вместе покаляли бы.

Машенька побежала за матушкой, позвала в гости дьяконицу и дьячиху. Матушка приходит, а Иван Иванович один сидит. Вот они разговаривают.

— Я ведь, матушка, корову новую купил.

И пошли смотреть. Корова попадье понравилась.

— А что, Иван Иванович, продай корову-то.

— Нет, матушка, продать нельзя, разве другим манером можно.

— Да и в самом деле, однако попенко у меня старо; а скажу, что деньги отдала. Так что, куда пойдём?

-- А куда пойдём, соломы на рундучок постелим.

Послали и повалились. Поп на полке сидит и говорит:

— Я, ребята, соскочу.

А те за волосы держат.

— Нет, не скачи, нас выдашь.

Пападьа домой ушла. Мало, идет дьяконичиха, а Машеньки все нет. Опять пошли корову смотреть и так же согласились, как и с попадьей. И с дьячихой тоже.

Вот назавтра Иван Иванович встает, надевает вязочку на рога и ведет корову к попадье. Приводит, попадьа встречает.

— А, Иван Иванович, заводи в хлев.

— Нет, заводить вельзя.

— А почему?

— Надо с вас расписочку взять, что корова у меня не продана, а другим манером отдана.

— Что ты, убирайся ты и с коровой!

— Нет, я ведь не поп, вертеть душой не хочу.

— На ты, возьми, ради Христа, сто рублей, только веди корову домой.

И к дьяконице привел и с нее сто рублей взял, и с дьячихи сто рублей.

Тем и кончилось.

МУЖИК, БАБА, ПОП, ДЬЯКОН И ЦЫГАН

Жили муж с женою. Жили они плохо: она была непослушная и все спорила.

Надоело ему с ней возиться, и надумал он чумаковать. Поехал и прочумаковал ни много, ни мало — семь лет. На восьмой задумал домой вернуться — думал: не раскаялась ли баба.

По дороге заехал на ярмарку и продал волов и воза, и пешком пришел домой. Пришел, да и сел под амбаром. Вышла девчонка из хаты, увидела своего отца, побежала в хату, сказала матери, что пришел отец. Мать и говорит:

— Поди, позови его в дом.

Вошел мужик, а баба притворилась больною, стонет да и спрашивает его:

— Где ты у беса шатался?—а дальше спрашивает: — Где ж твои волы?

— Подошли, — говорит мужик.

Тогда застонала баба да и говорит мужику:

— Вынеси меня хоть на двор, а то я не могу выйти.

Мужик ее вынес, а сам пошел в дом. Тогда баба говорит дочке:

— Достань, дочка, кипятку, да вымой отцу голову, да дай ему чистую рубашку да жилетку.

Как одела мужа, то и говорит:

— Подай, дочка, вареники из печи.

Дочка поставила на стол. Тогда жена посадила мужа за стол, а сама вынула из сундука бутылку водки, и стали они пить и закусывать.

Жена и спрашивает:

— Много ты, муж, денег заработал за семь лет?

Мужик заработал пять тысяч, а сказал — пятьсот.

Мужик спрашивает бабу:

-- А у тебя много?

— У меня триста, — говорит баба.

Тогда стала баба хвалиться мужику, что к ней ходят поп, дьякон и цыган. Стали они советовать, как бы их отучить.

Жена и говорит:

— Запряги быков в телегу, выезжай хоть за мельницу и прстоишь там допоздна. Когда люди лягут спать, ты приедешь домой, как откроешь дверь, так и крикнешь: «Гей, штоб вы сдохли, проклятые!». Я тогда скажу: «Ох, худо мне», да возьму их и попишаю в сундук.

Пришла ночь. Загуляла баба с попом, дьяконом и цыганом. Вдруг как крикнет на дворе, под окном:

— Гей, штоб вы сдохли!

— Ох, горе мне! — крикнула баба, — это ведь муж приехал.

Тогда они испугались и говорят:

— Куда нам теперь деваться?

Баба и говорит.

— Раздевайтесь да лезьте в сундук.

Попрятала она их в сундук, заперла и пошла на двор к мужу, да и говорит:

— Теперь, муж, я заманила их всех троих в сундук и заперла.

Муж и говорит:

— Подожди, жена, я плеть приготовлю.

Жена говорит:

— Смотри, спроси меня в хате: «Дай, жена, ключи».

Вошел мужик в дом и говорит:

— Дай, жена, ключи от сундука.

А жена давай плакать, отказываться:

— На что они тебе?

— Дай — говорит муж, — я посмотрю, что у тебя в сундуке.

— Нет ничего, — говорит жена.

— Я возьму хоть на восьмушку, — говорит муж.

— Откуда у меня возьмутся деньги?

— Дай, — говорит — в сундуке посмотрю.

Тогда жена и дала ему ключи. Он отпер сундук и спрашивает:

— Что у тебя в сундуке?

— Будто не видишь что, — отвечает жена, — поп, дьякон да цыган.

Тогда мужик и говорит:

— Пора тебе, батюшка, вечерню справлять.

Взял батюшку за косы, а тех запер опять. Стал батюшку таскать. Поп просится:

— Денис, бери, что хочешь, только не бей,

— Не ходи, сучий сын, к моей жене.

Отлупил, как следует, попа и выпустил голого на двор.

— Ступай, — говорит, — к матушке.

Тогда взял дьякона за чуб, отлупил и тоже голого пустил. Потом добрался и до цыгана. Как начал его чистить плетью, а цыган:

— Ой, багюшка, ой, голубчик, я больше не буду.

Выпустил он и этого голого.

Сели с женою. Поужинали и легли спать.

На другой день встали, а жена и говорит мужу:

— Ну, бери попов кожух и иди мимо попа.

Идет Денис, а поп и спрашивает:

— Куда, Денис?

— Иду в кабак.

— Так денег у тебя нет?

— Так вст — показыв ет кожух — попов ко-
жух пойду пропью.

А поп и говорит:

— Не срами, на лучше тебе пятьсот рублей.

Долго не отдавал Денис кожуха, да сжалился
над попом, отдал. Пятьсот рублей получил и
отнес деньги домой.

Взял дьяконов кожух и пошел мимо дьякона.

Выбежал дьякон и спрашивает:

— Куда, Денис?

— В кабак.

— Так у тебя денег нет?

— Так твой кожух пропью.

— Отдай, пожалуйста, кожух, возьми, что
хочешь, не срами.

— Сколько дашь? — спрашивает Денис.

— Полтора ста рублей дам.

Взял Денис деньги, отдал кожух и пошел
домой. Взял цыганов кожух и идет мимо цыгана.

Выскочил цыган.

— Куда, Денис?

— В кабак.

— Так у тебя денег нет?

— Так кожух твой пропью.

— Не делай срама, — говорит цыган, — отдай
мой кожух, а с меня, что хочешь, возьми.

Запросил Денис четыреста рублей. Долго цыган торговался — ничего не сделаешь: не уступает Денис. Вбежал в хату и говорит жене:

— Вон гонят табун коней, дай четыреста рублей, куплю весь табун.

Жена вынула из сундука и дала.

Обманул цыган жену и отдал Денису деньги, а кожух взял.

Пришел Денис домой, подсчитал деньги. А жена и спрашивает:

— Много получил?

— Тысячу пятьдесят рублей.

Мужик свои заработанные пять тысяч приложил, и стало шесть тысяч пятьдесят рублей.

Зажили тогда они с женою. Поехали на ярмарку, купили много коров, лошадей, телеги. И стали тогда жигь да богатеть. А жена покалялась и стали они любить друг друга.

ДЬЯК ТИТ ГРИГОРЬЕВИЧ

Шел работник с поля домой за завтраком хозяину. Подходит к дому, слышит, что хозяйка с кем-то разговаривает. Прислушался — а это дьяк наш, Тит Григорьевич.

— Ишь, вчера был и сегодня снова, нужно его проучить. Чего он повадился?

Начал стучаться в дверь.

— Тетка, открой!

В хате перепугались.

— Прячьтесь, Тит Григорьевич, хоть под печку, — говорит хозяйка.

— О, боже мой, боже, — тарыхтит с перепуга Тит Григорьевич.

Бросился прятаться.

Хозяйка отперла работнику, и он только приметил, как пятки Тита Григорьевича шмыгн ли под печь.

— Прислал хозяин, чтобы дали хлеба да сала, а то мы сегодня не придем ужинать.

— Как же, дам я вам сала! А хлеба и воды не хотите? Заработались. Там в поле, может, лежат, вывернув бока, а тут еще давай им сала! Возьми, вон хлеб лежит, да и иди к чорту из дома.

— Да еще хозяин сказал, чтобы я ваносил дров под печь: завтра хочет на печи зерно сушить, или чего еще, так топить будет.

— Сама наношу, иди себе, ступай.

— Нет уж, тетушка. Вам и за коровой итти, и телят загонять надо, дайте уж я наношу.

И быстро, притащив охапку дров, не дал дьячку удрать из-под печи: сразу туда одно полено за другим, — дьяк только крихтит.

Хозяйка гонит его от печи, а он знать ничего не хочет. Накидал дров, взял хлеб и пошел из избы.

Откидала тогда хозяйка дрова, вытащила Тита Григорьевича. Вылез он, отряхивается:

— Ох, ох, господи, вот окаянный! Я уже отходную по себе читал.

— Вы завтра уж не приходите. Пойдете на свое поле, так я вам есть вынесу всего хорошего. Не знаю только, найду ли дорогу до вас, в поле?

— Ничего, моя благодетельница, я при повороте на свое поле посыплю сеном, по которому вы легко узнаете дорогу ко мне.

— А, хорошо, — сказал слушавший под окном работник, пошел на свое поле к хозяину и говорит:

— Дядя, завтра тетка нам обедать принесет.

— А что завтра за праздник?

— Нет никакого праздника, а так.

— Ну, это что-нибудь большое в лесу сдохло!

Утром рано работник у дьяка с дороги сено забрал да и посыпал на свою тропу. В полдень несет хозяйка обед, на сено глядя, а потом видит, что не туда попала, уж хотела вернуться, да работник машет:

— Сюда, тетка, сюда!

Туг уж, хочешь, не хочешь, а надо нести.

— Ах, какая ты добрая, тетка, принесла нам обедать! Я тут совсем пропал.

— «Чтоб ты тут и совсем сдох»,—думает баба.

А они едят, даже за ушами трещиг. Да, не плохой обед: борщ с салом, каша молочная, вареники!

И в праздник лучшего не требуется.

Работник ест и думает:

— «Как бы так, чтобы ничего не оставить, чтобы она и объедков не отнесла дьяку».

— Вы будете борщ есть, тетушка?

— Нет, не буду.

— А, так я вылью.

— Не выливай.

— Уж вылил, тетушка,—говорит он, опрокинув миску на землю.

— А чтоб из тебя душу вычерло, что ты пищу не жалеешь.

— Вам же будет легче нести. А вареники вы нам оставьте: мы еще пополуднуем.

Пошла она с пустою посудой и дьяка не искала.

На другой день работник с хозяином идут домой. Подходят и слышат, что дьяк опять тут. Стали стучаться. Хозяйка тогда обвязала дьяка полотенцем и толкнула в сени, к телятам.

— Нагнись,—говорит,—и мычи, так они не узнают, подумают, что полосатый теленок.

Вошел хозяин:

— Здорово, жинка моя милая!

— Здравствуй, муженек!

— Чего это телята мычат?—видно пить хотят, я погоню их сейчас к воде.

— Я их сама напою.

— Нет ты иди за коровой, а то скоро стадо придет.

Взял прут и погнал к воде:

— Пейте иродовы телята!

Дьяку и не хочется пить, а надо, а то прут за плечами.

Пригнал домой работник встретил и говорит:

— Дяденка, вы полосатого теленка опоили! У него кровь набросится, ему надо ухо разрезать.

— Надо раз опилась скотина! Что ж, резать, так резать.

И принялись они вдвоем мучить сердешного Тита Григорьевича. Уж пришла баба, так отняла того теленка, уверивши, что это не кровь, а што он давно хиреет, и выпустила за ворота пастись. А тот, как вырвался, так давай только бог ноги.

Дня через два идет работник опять с поля домой. Встал под окном и слушает. А дьяк опять тут и бравится, кричит, сердится, на чем свет стоит. Гонит хозяйку, чтоб завтра непременно шла искать знахаря, чтоб отравить хозяина.

— Конец моему долготерпению, — говорит дьяк, а работник, стоя за окном, сам себе говорит:

— Нет, еще не конец!

— Где же его искать этого знахаря? — спрашивает хозяйка.

— В таком-то и таком-то лесу живет он, ты, может, встретишь там.

— Да уж пойду, попробую.

— Иди.

Работник все выслушал и стал стучаться.

— Ложитесь, Тит Григорьевич, на лавку, я вас накрою корытом, так он и не увидит.

А он, как только вошел, так со всего маху и сбросил корыто с дьяком на пол, дьяк только крикнул, а из-под корыта не вылетел.

— На что корыто с лавки скинул? — кричит хозяйка.

— Мне надо встать на лавку, чтобы достать рожок с табаком с полки, хозяин забыл.

— А чтоб вас шут побрал, как вы мне надоели!

На другой день в поле работник не умывается, не ест ничего.

— Отпустите меня, дяденька, домой, я совсем болен: и голова болит, и все.

— Иди, сынок, иди. Возьми кожух да закройся хорошенько на печи, оно и пройдет, а то шутка разве изо дня в день тут работать, поневоле заболеешь. Полевая работа — не игрушки. Я уж сам как-нибудь управлюсь.

Пошел он. Только скрылся с хозяйских глаз, как кожух вывернул, изогнулся в три погибели и пошел в лес. Взял в руки немного березовой коры, растер ее в руках и идет по лесу.

Встречает его хозяйка. Поздоровались.

— Дедушка, не знаешь ли где тут знахарь живет?

— А на что он тебе? — спрашивает работник не своим голосом, — я — знахарь.

Она к нему:

— Дедушка, сердешный, голубчик, помоги мне! Чем хочешь, тебя отблагодарю.

— Скажи, что надо?

— Муж у меня такой лядящий, света божьего не вижу. Не знаю, что с ним и делать. Нельзя ли его того, чтобы он свету не видел, как я теперь от горьких слез не вижу.

— Можно. Я тебе так сделаю, что он ослепнет.

— Пожалуйста, дедушка, сердешный, век тебя не забуду.

— Как придешь домой, свари борщ с салом, свари кашу с молоком, свари вареники, да так, чтобы в масле да в сметане они плавали. Как все поест, непременно ослепнет. Да у него еще, кажется, и работник есть?

— Есть, есть. Лядащий такой, что противно щетками взять.

— Так ты и его, шельму, накажи, пускай и он ослепнет.

Сказал и дал ей растертой березовой коры. Пошептал и говорит:

— Вот, возьми и немного насыпь в еду. Держи при себе, как варить будешь.

Поблагодарила хозяйка и пошла домой. А работник пошел в поле к своему хозяину и рассказал ему все, как есть.

Почесал тот затылок.

— Нечего делать, пойдём домой—есть то, что нам хозяйка сварит.

Пришли. Хозяйка так им рада.

— Хорошо сделали, — говорит, — что пришли: я вам обедать наварила.

— Ну, и хорошо, давай нам обедать.

Сели они за стол; поели борщ. Работник и спрашивает:

— Что, дяденька, вам ничего так не кажется?

— Нет, ничего, только так, как будто в глазах мутно.

— Эх, мутно и у меня.

— Это, может, оттого, что мы давно не

обедали, теперь горячего борща съели, так оно так и кажется.

Поели жареного. Работник прикинулся так, что уже и ложки не видит, а хозяин только руками по столу шарит.

— Господи, боже мой, — говорит работник, — совсем ничего не вижу.

— Да не вижу и я. Да подожди, может, вареников съедем, так лучшает.

Съели вареников, так и совсем ослепли: вылезли из-за стола, суются по избе.

— Ослепли мы совсем. Ты бы нас хоть в запечку посадила.

Отвела за печку.

А дьяк сейчас в избу. До стола добрался и уже хотел и за вареники недоеденные приниматься, как хозяйка вырвала из его рук: побоялась, чтоб и он не ослеп. Поставила ему других.

Он уплетает да хохочет потихоньку, глядя на хозяйина. А тот:

— Жена, ты что, собаку впустила в хату, или что? Кто это тут чавкает?

— Какая там собака? Это тебе, слепому, уж так чудится, — сказала хозяйка и подсела к дьяку.

А тот и рад, только зубы скалит, да вареники уплетает.

Встал хозяин тогда с припечка да прямо к дьяку:

— А чего ты расселся тут? Кто это тебя сюда просил?

Дьяк молчит. Глаза вытаращил и перепугался так, что чуть было не подавился вареником.

— А ну, хлонец, довольно тебе быть слепым, —

говорит хозяин работнику, — пойди, поищи хороших прутьев пару: себе и мне, да привнеси сюда, будем дьяка парить.

После, говорили, что дьяка близко около дома не видели. Говорят еще, что и с голоса он немного спал.

А те, муж да жена, живут да хлеб жуют, да добро наживают.

И я там был, мед, водку пил; по бороде текло, а в рот не попало.

КАК ВОЛКИ В ХАТЕ ЗАВЕЛИСЬ

Жили муж с женою. А к жене ходил поп. Вот один парень, про это про все узнал, приходит к мужу и говорит.

— Наймите меня в работники.

— А на какой срок? — спрашивает хозяин.

— Да пока у вас в хате волки не заведутся.

— Когда же это, ты думаешь, волки в хате заведутся? Разве когда пустая будет? А сколько тебе дать?

— Да давайте сто рублей.

Вот сговорились, он и стал служить.

Раз поехали они пахать. Попахали до обеда, работник и говорит:

— Пойду я, дядька, домой: позабыл кое-что.

— Ну, иди.

Вот подошел он к хате, а поп уж там. Он это все видел. Стал кричать:

— Тетка, отопри!

— Ой, — говорит поп, — молодушка, куда б ты меня спрятала?

— Полежайте, батюшка, под печь, между арбузами.

Поп — под печь, а она загородила его арбузами и впустила работника.

— Чего тебе так загорелось?

— Хозяин велел арбузы под печкой перебрать.

— Вот выдумают! Разве я сама не переберу?

— Раз он сказал, так нужно сделать.

Как начал он арбузы кочергою из-под печки вытаскивать, да опять туда швырять, так поп только кряхтит.

Вот управился с этим и ушел.

Через некоторое время стали они сеять. Работник опять просится:

— Пойду я, дядька, домой, нужно мне.

— Иди.

Он—опять под окно. А поп уж там.

— Отопри, тетка!

А поп:

— Куда мне, молодушка, деваться?

— Идите, — говорит, — я вас к овцам пушу.

Вывела его из хаты, да в задние двери—в хлев.

А работник все это видел.

Отперла работнику.

— Чего тебе?

— Дядька велел мне овец пересмотреть, нет ли в них каких червей.

— Разве бы я сама не пересмотрела?

— Раз он сказал, так надо сделать.

Пошел в хлев—а дело было к ночи—поймал овцу и выкинул за дверь. А поп подлез под самого большого барана, взял его на спину да и лазает по хлеву. Вот, как нащупал его работник:

— Что это, — говорит, — за баран? Это чорт какой-то, — повалил его, мял, мял, сколько ему захотелось, тогда выкинул его за дверь, а сам ушел.

Недолго спустя просится в третий раз. Хозяин отпустил.

Вот приходит он к хате, смотрит—поп уже там.

Кричит хозяйке:

— Тетка, отопри!

А поп:

— Куда ты меня, молодушка, спрячешь?

Она взяла кадушку с шерстью и посадила его. А работник все это и видел.

Отперла она.

— Чего тебе?

— Хозяин велел шерсть в кадушке попарить.

— Разве я сама не попарю? Вам бы только день гулять.

— Что он сказал, то и надо делать.

Сейчас же вошел, печку затопил, чугуны грест.

Вот нагрел чугуны, да как выльет в кадку.

Ошпарил попа, как беса.

Немного еще повозился и пошел, будто в поле, а сам у двери стал слушать.

Вылез поп голый, как колено.

— Ну,—говорит он,—нельзя нам тут из-за этого чорта и погулять. Приходи ко мне в поле. Я завтра пахать буду.

— Как же я вашу пашню узнаю?

— Смотри,—говорит,—где будет полосатый вол: рыжий с белым.

Вот на другой день отнесла она попу обедать. А работник взял, на своего рыжего вола и накинул штаны. Она же вышла в поле—смотрит: пашут на полосатом воле, она и пошла туда.

Приходит—а это свои. Некуда ей уж деваться-то.

— Вот,—говорит хозяин,—спасибо, женка, что обедать принесла.

Вот приходит воскресенье, или так праздник какой выпал, — пошла она в церковь. А работник перегнал ее и встал на клиросе за крестом.

Пришла она в церковь. Кладет перед крестом поклоны и спрашивает:

— Что мне с этим работником делать?

А он все слышит, да из-за креста:

— Пойди, — говорит, — туда-то, в лес, найдешь там Ивана Кушника, он тебя всему и научит.

На другой день отпросился он у хозяина и пошел в лес. Залез в дупло, а штаны спустил, задницу из дупла высунул.

Вот приходит она. Поставила свечечку перед ним и стала ему жаловаться.

А он и говорит:

— К вечеру, как им домой вернутся, ты, — говорит, — навари студню, вареников и зажарь курицу. Как они поедят студня так и оглохнут, а как вареников, то ослепнут, а как курицу съедят, так уж и умрут сразу.

— Спасибо, — говорит, — тебе, Кушничек!

Поклонилась ему и пошла.

Вернулась домой, радуется.

А работник тем временем сообщил хозяину, что то-то и то-то у них сегодня будет и что он должен делать то-то и то-то.

— Хорошо, — говорит хозяин.

Вот приходят они вечером домой. Она им так рада. Сейчас им студень на стол.

Доедают они миску, а она:

— Может, еще?

— Чего?

— Я говорю — может, еще подать?

— Я что-то не слышу.

— Слава тебе, господи, — думает, — уже оглохли. Ставит им варенники.

Съели они блюдо. Она поставила еще в миске. А они только по столу шарят, а миски не найдут.

— Слава тебе, господи, — думает, — уж и ослепли. Подала курицу.

Они ее съели, да бух оба под лавку.

— Ну, уже умерли. Теперь, батюшка, вылезайте. А он уж тут, спрятан был.

Оттащили мертвецов к порогу, а сами — за стол. Пьют да гуляют.

Уж чего-чего ни выкидывали, уж как только ни забавлялись и все надоело.

— Давай, — говорит поп, — еще по-волчьему.

— Как же это так?

— А ты ко мне беги да: «ву-у-у!» А я к тебе, да: «гу-у у!»

Вот разошлись они по углам, а она ему:

— Ву-у-у!

А он ей откликается:

— Гу-у-у!

А работник слушал-слушал да и говорит:

— Дядька, вставайте, давайте расчет, а то у вас в хате волки завелись.

Как встали они — уж и было там!

ПОП И КАЗАК

В одном селении жил поп. Попадья была хорошая. Только казаки жить не могли. Убежал казак. Поп поехал казака поряжать. Навстречу попадает Ванюшка-пьянушка.

— Куда, батюшка, едешь?

— Казака поряжать.

— Поряди меня!

— Сколько жалования надо?

— Сто рублей.

— Долго ли жить будешь?

— Пока по избе волки не забегают.

— Садись в тарантас. Поедем!

Приезжают домой. Поп рассказал попадье. Попадья рассмеялась:

— Это,—говорит, хорошо,—казак будет жить за сто рублей, пока по избе волки не забегают.

Поутру встали, позавтракали, попили в лес дрова рубить.

Сошли в лес, казак забыл топор.

— Батюшка, топор забыл.

— Беги скорей домой.

Казак прибежал домой и видит—на кухне попадья с дяконом. Застучал у ворот. Дьякон и говорит:

— Матка, куда мне деваться? казак прибежал,

— Садись в сундук, я тебя запру.

Попадья заперла; казак притащил веревку, завязал сундук и потащил вон. Попадья закричала:

— Что ты делаешь, казак?

— Молчи, матка, в городе сундуки дороги—деньги выручу.

Вытащил сундук в сени и давай его ворочать. Дьякон закричал:

— А, пусти Ванька! Вот тебе сто рублей.

Получил казак деньги, побежал к попу.

— Вот тебе, говорит, батюшка, сто рублей денег. Я ваш сундук выручил.

Поп обрадовался, взял сто рублей денег и купил четверть вина. И пошли домой и целые сутки пили. Потом утром позавтракали и пошли опять дрова рубить. Пришли в лес, казак опять топор забыл. Поп заругался.

— Негодяй, второй раз без топора в лес идешь.

— Молчи, батюшка, наживем деньги.

Сам побежал домой, видит—на кухне попадья с дьяконом. И начал в стену стучать. Дьякон и говорит.

— Матка, опять казак прибежал. Что нам делать?

Попадья и говорит:

— Садись в большой комод, я тебя запру; наверное того не утащит.

Дьякон сел, попадья заперла. Казак притащил веревку, связал комод и говорит:

— Матушка, подсоби-ка вытащить.

— Что ты,—говорит,—казак, с ума сошел? Куда потащишь комод?

— Молчи, матушка. В городе очень комоды дороги. Двести рублей возьму.

Попадье делать нечего. Взяли и давай тащить. Вытащили в сени. Казак и говорит:

— Опускай по лестнице.

А дьякон и закричал:

— Отпусти, Ваня, вот тебе двести рублей.

Взял казак с дьякона двести рублей, побежал к попу.

— Вот тебе, батюшка, за твой шкап двести рублей.

Поп обрадовался.

— Вот, слава богу, попал на казака, триста рублей выручил, а прожил всего неделю. Не будем дрова рубить, а будем вино пить.

Пошли домой и купили целое ведро вина. И пили целую неделю. Потом утром позавтракали и пошли в лес дров рубить. А казак опять топор забыл.

— Батюшка,—говорит,—я опять забыл топор.

— Дурак ты, третий раз пришел рубить дрова, а все без топора.

— Молчи, батюшка, дело поправится.

И побежал домой. Прибегает домой и спрашивает:

— Где матушка?

— В бане,—говорят —матушка.

Прибежал казак к бане и слушает, а попадья в бане с дьяконом. Отбежал казак назад и кричит:

— Батюшка, мыло-то возьми и веников-то не взял.

А дьякон попадье и говорит.

— Матка, казак с попом идут. Мне куда деваться?

Попадья и говорит:

— Вались в короб с золой, который перед тобой.

Дьякон, не одевшись, нагой, бросился в золу. Казак тащит рогожу и веревку, закрыл короб и завязал. Подкатил колеса. Поставил короб на колеса и покатил в город. Попадья кричит:

— Что ты, Ванька, делаешь?

— Молчи, магушка, в городе зола дорога.

Катит себе казак золу в город. Попадаетя навстречу полк солдат.

— Чего, мужичок, катишь?

— Чорта, батюшки.

— Где ты его взял?

— На озере ловил и изловил.

— Куда его катишь?

— Вашему полковнику показать.

— Покажи нам.

— Вы упустите.

— Нет, не упустим, мужичок. Мы станем в шеренгу и не упустим.

На том уговорились.

— Если не упустите, пятнадцать копеек за смотр с человека, а если упустите — двадцать.

— Ну, хорошо, согласны. Показывай!

Стали солдаты в шеренгу, Ванька закатился на середину, развязал короб, захватил дьякона за косу и вынул его из золы. Ведет его, а сам подсказывает:

— Кричи, да свисти, а сам бегом домой, солдаты тебя и пропустят.

Дьякон выскочил, свистнул и закричал. Солдаты испугались и дали дьякону дорогу. Дьякон побежал домой, только крысы играют. А солдаты наклали казаку целый короб денег. Казак покатился к попу с деньгами.

— Вот, батюшка, что я за вашу золу выручил. Подсчитай-ка. Поп обрадовался.

— Не будем считать, все без счета пропьем. Набрали вина и покатались домой. Пили вино целую неделю.

Потом надоело казаку жить у попа. Задумал поскорее до срока дожить. В один день он шел с письмом по деревне. Попадает ему навстречу рыбак. У рыбака рыба крупная, а никто не берет. Казак посмотрел рыбу и говорит:

— Послушай, рыбак, поезжай к нашей попадье и скажи, что рыба с секретом: кого накормишь, тот и помрет. Она всю рыбу заберет, дорогую плату даст.

Рыбак послушал и поехал к попадье.

— Вот, матушка, — говорит, — не угодно ли рыбки вам? Рыбка крупная, хорошая, щуки и лещи, а, главное с секретом: кого накормишь, тот и помрет.

Попадья всю рыбу взяла и хорошую плату дала. На другой день напекла пирогов, посадила попа с казаком есть. Казак и говорит попу:

— Батюшка, я вас все слушал. А сегодня ты меня послушай.

— Хорошо, — говорит поп, — я послушаю тебя. А сам думает: «Наживет казак денег».

Казак и говорит попу:

— Смотри, батюшка, что я буду делать, то и ты делай.

Казак наелся пирогов и повалился на лавку, а поп за него. Попадья отдернула стол, и они упали на пол и сделались, как мертвые. Попадья сейчас за дьяконом. Дьякон пришел и говорит:

— Надо оттащить их к дверям, чего им тут лежать.

Оттащили к дверям и закрыли платьем.

— Ну,—говорит,—матушка, у нас всяко бывало, но по-волчьи не бывало.

— А как мы будем по-волчьи?

— У тебя есть волчье пальто, а у меня есть волчий тулуп.

Вывернули пальто и тулуп на левую сторону и стали, как два волка.

— Матка,—говорит дьякон,—у волка-то есть хвост. Возьми, у попа есть кропило на божнице.

А поп не мог стерпеть:

— Мать, не тронь кропила.

Эти волки разбежались, только гром прошел. Казак встал и говорит попу:

— Ну, батюшка, давай расчет. Видел как по избе волки бегают?

Поп притащил ему сто рублей и отдал ему все деньги, которые он от дьякона получил.

О ПОПЕ И ЕГО РАБОТНИКЕ МИКОЛКЕ

Жил-был поп. У него был работник Миколка. Раз поехал поп с Миколкой сено косить. Приехали на покос. Миколка говорит попу:

— Батюшка, дай мне своих рысаков: поеду в Москву шутки шутить.

Поп дал ему рысаков, Миколка поехал, к попадье заехал и говорит:

— Матушка, батюшка велел дом ломать, везет каменщиков и щекатуров, хочет каменный класть.

Попадья велела ломать.

Едет поп, а попадья ему навстречу и говорит:

— Батюшка, уже последнее окладно бревешечко осталось.

Поп ее спрашивает:

— Кто тебе велел ломать?

— Миколой,—отвечает она.

Поп побежал к Миколкиному отцу отыскивать его. А Миколка нарядился в сестрино платье и сел к окну.

Поп подходит к окну и, увидя Миколку говорит ему (не узнал его, а думал, что сестра):

— Миколка у вас?

— Нет, он уехал в Москву шутки шутить,—отвечает Миколка.

Поп говорит:

— Ну, хоть ты иди за него жить.

А он говорит:

— Ай, батюшка, я месту рада.

И стал с тех пор Миколка жить у попа девкой-прислугой.

Однажды к попу заехали суздала. Понравилась им поповская прислуга. Стали они ее сватать. Высватали и обвенчались. Пошли на подклеть. Подклеть была на вышке, а лестницы не было, а поднимались на веревке. Поднялись туда. Невеста плачет, а суздаль спрашивает ее:

— О чем ты, моя хорошая, плачешь?

А она отвечает:

— Как мне не плакать — батюшка насильно отдал за тебя. У тебя нет ни кола, ни двора.

А он ей отвечает:

— Давай-ка я тебя спущу, посмотри, сколько там товару. И на—вот ключ, посмотри, сколько денег в шкатулке.

И стал спускаться.

Невеста говорит:

— После я дерну за веревку, ты и тащи.

Слез Миколка и побежал в хлев, поймал барана, привязал к веревке и дернул. Суздаль потащил, но, увидав, что баран, закричал, что невесту испортили, и началась тут тревога. Послали за докторами. А Миколка переоделся, забрал из шкатулки все деньги и пошел к отцу. Запряг тройку коней и заехал прямо к попу во двор, будто бы из Москвы. Зашел в дом и, узнав о случившемся, закричал на попа и на суздала:

— Вы у меня сестру испортили, сделали навек нечеловеком.

Поп начал уговаривать Миколку и дал ему

сто рублей денег. И Миколка стал попрежнему жить у попа.

К попадье ходил дьякон. Миколка часто говорил об этом попу, а поп не верил. Миколка говорит попу:

— Я тебе покажу, заверну в солому под лавку, а матушке скажу, что ты уехал.

Пришел дьякон, начали пировать.

А Миколка завернул попа в солому, а сам залез на печь.

Дьякон пирует с попадьею. Попадья говорит:

Стоит скляница с вином
 Табакерка с табаком.
 Сидит дьякон за столом,
 Попадья перед столом.

А Миколка лежит на печи да поет:

Солома, солома,
 Что делается дома?

А поп из-под лавки поет:

Плеть на стене?

Да как выскочил из-под лавки, да как начал дьякона плетью жарить, что тот без оглядки убежал домой.

Дьякон перестал ходить к попадье в дом — боялся попа. И они сговорились погулять на покосе.

Дьякон говорит попадье:

— Ты приходи ко мне на покос. Принеси вина, мяса и всего, погуляем.

— А как я найду твой-то покос? — спрашивает попадья.

Дьякон говорит:

— А я стружек набросаю на дорогу-то.

Миколка это подслушал.

На другой день поп с Миколкой поехали на покос, а дьякон уехал вперед, а по его дороге были набросаны стружки.

Миколка все стружки перебросал на свою дорогу. Попадья и пришла к ним. Поп спрашивает:

— Ты зачем пришла?

— Да сегодня моей мамоньке память.

Поп стал считать:

— Нет, не сегодня, не память.

— Ну, так я обсчиталась. Ну, да давайте по пути помянем, да и по дьякона надо сходить, тоже помянет с нами.

Поп послал Миколку за дьяконом.

Миколка пришел и говорить дьякону:

— Тебя батюшка звал. Да носи с собой косу: у них собаки злы.

Потом Миколка вперед дьякона прибежал к попу и говорит:

— Дьякон идет с косой, тебя хочет секчи.

Поп, как увидел дьякона, что он идет с косой, побежал от него, а дьякон за ним бежит, да уговаривает, что он никакого вреда не делает.

Дьякон опять сговорились с попадьею погулять на поле, когда поп будет пахать.

Попадья так и сделала, понесла дьякону. Приходит к дьякону, а поп-то рядом пашет. Попадье нечего делать, принесла и говорит:

— Надо бы и по дьякона сходить,

Поп опять послал Миколку. Он пошел и говорит дьякону:

— Тебя поп хочет засекачи.

Дьякон начал выпрягать, чтобы уехать. А Миколка пришел к попу и говорит:

— Он тебя звал скорее с топором. У него расхлябался клин у сохи, а топора нет.

Поп схватил топор и побежал, а дьякон не успел выпрячь, отсек гужи, сел на коня и поехал. Поп его уговаривает, а дьякон ему кричит:

— Врешь, не обманешь!

Раз попа не было дома. Дьякон опять пришел к попадье. А поп-то приехал. Попадья спрятала дьякона в подполье. Поп не видал, а Миколка видел и говорит попу:

— У нас в подполье кикимора сидит.

Поп говорит:

— Выживи ее.

А Миколка говорит:

— Давай сто рублей денег, кипяченой смолы и перьев, а ты накали клюку (кочергу) и стой у подполья: как побежит, ты ткни его клюкой.

Приготовили все. Залез Миколка в подполье, облил там дьякона смолой, осыпал перьями. Дьякон оттуда побежал, а поп его клюкой тычет. Он загорелся, да скорее на улицу в снег.

С тех пор не стал ходить дьякон к попадье.

ПОП-ИСПОВЕДНИК

Крестьянин уехал в лес за дровами, приезжает из леса, братец ты мой, домой под окно, а в квартире в это время случился поп у хозяйки в гостях. Поп-то и говорит:

— Ах, дитя, муж-то приехал, а я у тебя.

А жена-то это мужняя отвечала:

— Ах ты, поп, муж на улице, а ты в квартире, а ты ведь поп.

Ну, — и хорошо, мужик приходит в квартиру, а поп у стола сидит, а жена сейчас же свернула с себя кокошник, чепчик, да в углу и лежит, кричит, кверху раком. Мужик приходит.

— Ну, здравствуй, батюшка, — говорит.

Поп и говорит:

— Здравствуй, дитя духовное, я пришел к тебе, мне ведомо стало, что жена твоя сделалася нездорова, так пришел я исповедать.

Мужик и говорит:

— Да что, батюшка, зачастую она нездорова, так уж исповедуй, батюшка.

Ну, он исповедывать и начал, а муж по обыкновению, стал дела свои справлять, из квартиры вон вышел. Ну, а поп с делами справился, исповедь справил, ну, и кличет так:

— Микита или Андрей, дитя духовное, иди в квартиру к жене.

А мужик спрашивает попа:

— Что на первом слове не поняли, что оживет или помрет?

Поп в ответ мужику и говорит:

— Ай, дитя, если бы ты справил заповедь для нее, так она бы и поправилась, может быть; сходил бы ты в Турцию за турецким маслом и помазал бы ей очи, она поправилась бы и хворать больше не стала.

Муж был послушным, склал котомку и полетел в Турцию за турецким маслом. Ну, там далеко ль, близко ль шел дорогой, попадаетея ему нищий-прохожий, калика, навстречу идет с кережкой. У нищих, сам знаешь, первым долгом раскланяться и сказать:

— Спаси, господи, помилуй раба божия.

А потом нищий и спрашивает мужика:

— Куда ты, кормилец, отправляешься?

А мужик говорит:

— Да вот, старичок, когда жена нездорова была, поп на исповеди был и послал меня за турецким маслом.

Этот старик и говорит ему:

— Кормилец, воротимся назад, не можем ли мы поправить жены дома.

Поворотились назад со стариком нищим, и так, не доходя до селения, старик приказал мужику свалиться в кережку (подстанки, дровёнки) и в рядной мешок. Мужик и сел там, а старик нищий и поволок. Догнал до дома мужика, чтобы проситься на ночь у жены его, а мужик в кережке завязан в мешке. У ней поп все еще в гостях, не уходил еще. Нищий просится на ночь, жена пустила к ночи нищего, а нищий кережку в квартиру волокет. Тогда хозяйка и говорит:

— Старичок, старичок, ты клади кережку в сени.

А он в ответ говорит:

— Где я, там и кережка моя.

Нищий зашел в квартиру, заволок кережку, поставил в дверной уголок, а мужняя жена сидит с попом еще и угощается, а нищий на лавку сел (как, примерно, Семен Иванович), а поп-то говорит:

— А попадья, поднеси-то стаканчик винца, не знает ли он былинки какой-нибудь?

Старичку-то стаканчик поднесли, — он и крикнул, а поп говорит:

— Попадья, попадья, дай другой стакан, старик что-то разобрал, дай другой.

Выпил старик другой стакан и сидит на лавке. Поп говорит.

— А что, старичок, ты — проходец не знаешь ли, какой былинки сказать, песенки спеть?

А он в ответ говорит:

— Нет, батюшка, сначала вы, а потом попадья, а уж тогда я.

Ну, и поп говорит:

— Попадья, попадья, так ты спой прежде меня.

А попадья, как с лавки вскочила, пошла по квартире, как безумная, как шальная, и говорит:

— Жена безумного мужа выслала в Турцию за турецким маслом, — говорит, — а сама жена здорова и добра, а с попом, — говорит, — за столом, — говорит, — и яндова (полуштоф) стоит вина так.

И на лавку села, значит.

— Ну, поп, теперь тебе.

А поп как вскочит с лавки, как вдоль квартиры пошел в присядку.

— Как шальная — жена, говорит, — и безумного мужа — говорит, — выслала в Турцию за турецким маслом, а сама жена, — говорит, — здорова и добра, с попом за столом и яндова и вина, говорит.

И спели, старичку и говорят:

— Ну, старичок, ты пропой, мы пропели свои песни, а ты свои спой!

Старик и говорит:

— Хороша ваша песня, хороша. — И запел старик свою в ответ им:

— Ох ты, слушай-ка, кережка, разумей ты, мешок, не про тебя ли говорят, не про твою ли голову говорят, а я мешок развяжу, а безмен на гвозде, а ты отвесь-ка попу, а остатки тому, кто с попом за столом.

Да на лавку старик сел. Поп-то говорит:

— Попадья, попадья, а дай-ка третий стаканчик ему, еще споеет, — говорит.

— Ну, та повинуется ему. Он, как третий, стаканчик выпил, так уж опять заводит петь. Запел опять и пошел по квартире:

— Ох, ты слушай-ка, кережка, а разумей-ка ты, мешок, не про твою ли голову, не про тебя ли говорят; а мешок развяжу, а как безмен на гвозде, а ты отвесь-ка попу, а остатки тому, кто с попом за столом.

А он мешок как развязал, так мужик взглянул, как безмен на гвозде, а жена с попом за столом, как тянул безмен, а попа безменом, попа безменом отвозил, отвозил, остатки тому, что с попом за столом. А поп в двери.

ПОП РЖЕТ, КАК ЖЕРЕБЕЦ

В некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб: как только увидит, бывало, в окно, что мимо двора его идет молодка, сейчас высунет голову и заржет по-жеребьячи.

На том же селе жил один мужик, у которого жена была очень хороша собой. И ходила она каждый день за водой мимо поповского двора. А поп только усмотрит ее, сейчас высунет в окно голову и заржет.

Вот баба пришла домой и спрашивает мужика:

— Муженек, скажи, пожалуйста, отчего это: иду я за водой мимо попова двора, а поп на всю улицу ржет по жеребьячи.

— Эх, дура баба, это он тебя любить хочет. А ты, смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребьячи: иго-го, — ты ему и сама заржи тонким голосом: иги-ги. Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его и замани. Вот мы попа-то и обрабатываем: пусть не ржет по-жеребьячи.

Взяла баба ведра и пошла за водой.

Поп увидел ее в окошко и заржал на всю улицу:

— Иго-го, иго-го...

А баба в ответ ему заржала:

— Иги-ги, иги-ги...

Поп выскочил, надел подрясник, выбежал из избы и к бабе:

— Что, Марьюшка, нельзя-ли того?

— Можно, батюшка. Вот муж собирается в город на ярмарку, только лошадей нигде не добудет.

— Ты давно б сказала. Присылай его ко мне, — я дам ему свою пару лошадей и с повозкой: пусть себе едет.

Воротилась баба домой и говорит мужу:

— Так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а поп давно его ждет.

— Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадок на ярмарку съездить.

— Изволь, изволь, свет.

Запряг мужик поповых лошадей в повозку, приехал домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка, я выеду за деревню, постою немножко да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь, да застучу в ворота, — он испугается и станет спрашивать: «Где бы спрятаться?» Ты и спрячь его в этот сундук, что с голландской сажей стоит. Слышишь?

— Ладно.

Сел мужик в повозку и поехал за деревню. Поп увидал и сейчас же бросился к бабе:

— Здравствуй, Марьюшка!

— Здравствуй, батюшка. Теперь нам своя воля — погуляем. Садись-ка за стол, да выпей водочки.

Поп выпил рюмочку и не терпит ему; покидал с себя рясу, и сапоги, и портки — собирается на постель ложиться. Вдруг как

застучит у ворот. Поп испугался и спрашивает:

— Кто это, Марьюшка, стучится?

— Ах, батюшка, ведь это мой муж домой приехал, кажись, что-то позабыл.

— Куда ж мне-то, свет, спрятаться?

— А вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда.

Поп полез в сундук и прямо попал в сажу. Улегся там, еле дышит. Баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок.

Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает:

— Что воротился?

— Да позабыл захватить сундук с сажей; авось, на ярмарке-то купят. Пособи-ка на повозку снести.

Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы.

— Отчего он такой тяжелый? — говорит хозяин. — Кажись, совсем порожний, а тяжел.

А сам тащит — тащит, да нарочно об стену или об дверь и стукнет. Поп катается по сундуку и думает:

— Ну, и попал в добрый капкан.

Втащили на повозку. Мужик сел на сундук и поехал на поповых лошадях в город. Выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать, да коней постегивать, — помчались они во весь дух.

Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею:

— Поди, останови этого мужила, да спроси, — куда так шибко гонит?

Лакей подбежал и кричит:

— Эй, мужичок! Постой, постой!

Мужик остановился.

— Барин велел спросить, что так быстро гонишь?

— Да чертей ловлю, оттого быстро и гоню.

— Что ж, мужичок, поймал хоть одного?

— Одного-то поймал, а за другим гнался, да вот ты помешал. Теперь за ним не угонишься.

Лакей рассказал про то барину:

— Так и так одного чорта мужик поймал.

Барин сейчас к мужику:

— Покажи, братец, мне чорта. Я с роду их не видывал.

— Дашь, барин, сто рублей, — покажу.

— Хорошо, — сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп, весь избитый да вымазанный в саже, с растрепанными патлами.

— Ах, какой страшный, — сказал барин, — как есть чорт! Волосы длинные, рожа черная, глаза так и выпучил.

Потом мужик запер своего чорта и опять поскакал в город. Приехал на площадь, где была ярмарка и остановился.

— Что, мужик, продаешь? — спрашивают его.

— Чорта, — отвечает он.

— А что просишь?

— Тысячу рублей.

— А меньше как?

— Ничего меньше. Одно слово — тысячу рублей.

Тут собралось около мужика столько народа, что яблоку упасть негде. Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке.

— Мужик, продай чорта.
— Купите.
— Ну, что цена будет?
— Тысячу рублей, да и то за одного чорта, — без сундука. Сундук-то мне нужен: коли еще поймаю чорта, чтоб было куда посадить.

Купцы сложились и дали ему тысячу.

— Извольте получить, — говорит мужик.

Открыл сундук — поп как выскочит, да бежать. Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнется от него в разные стороны. Так поп и убежал.

— Экий чорт. К эдакому коли попадешься, — совсем пропадешь, — говорят купцы промеж себя.

А мужик воротился домой и отвел к попу лошадей:

— Спасибо, — говорит, — батюшка, за повозку — славно торговал. Тысячу рублевиков зашиб.

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, увидала попа и ну ржать:

— Иги-ги-ги...

— Ну, — сказал поп, — муж твой славно меня угигикал.

С тех пор перестал поп ржать по-жеребьячи.

ПОП, МОЛОДИЦА И ЦЫГАН

Приглядел раз поп хорошенькую молодицу да и давай ее обхаживать.

— Как бы, — говорит, — с тобой переночевать?

— А давайте сто рублей.

Он и дал.

— Когда же к тебе, — спрашивает, — притти?

— Ночью, через трубу.

Вот ночью влез он на крышу, а там цыган: он их разговор подслушал.

— Ты чего тут? — спрашивает поп.

— А за что же я сто рублей заплагил?

— Ну, пусти хоть меня вперед.

— Давай отступного.

Поп приплатил.

— Ты, — говорит поп, — слушай: как я скажу: «мык», тащи меня наверх.

Вот связали пояса, и полез поп. А молодица приготовила хорошую кочергу.

Только поп встал на землю, она его кочергой, а он тогда: «мык». Цыган и вытащил его.

Поп и думает (про молодуху):

— «Ну, подожди же, я тебя в церкви пристыжу».

Приходит воскресенье. Поп увидел эту молодуху и давай ей выговаривать.

— Ну, приходите теперь хоть вечером.

Вот приходит поп. Только разделся, а муж у двери:

— Тпру!

— Ой, молодушка, спрячь меня скорее где-нибудь.

— Лезьте в сундук!

А сундук у нее был новый, еще некрашенный, так она туда дегтя наложила.

Попу некуда деться—он в сундук. Она его и заперла.

Вошел муж в хату. Сел, поговорил.

— Надо, — говорит, — жена, отцу сундук отвезти, окрасить.

Позвал работника. Вынесли сундук, поставили на телегу. Он и повез.

Вот доехал до болота, влез туда, болтается в нем. Идт барин.

— Что ты тут, мужик, делаешь?

— Да люблю, — говорит, — барин, чертей.

— Поймал хоть одного?

— Одного, — говорит, — поймал.

— Покажи-ка мне.

— Боюсь, убежит.

— Да ты немножко.

— А вы, барин, купите его у меня оптом.

— Продай.

Вот сговорились. Барин забрал сундук и поехал. Подъезжает к маленькому озеру.

— Давай, — говорит, — кучер, хоть посмотрим, какой чорт!

Только он открыл крышку, а поп как выскочит. Замазал их дегтем, залил глаза, да—в болото.

— Эй, кучер, — кричит барин, — пошел скорей! Соберем дома людей и его поймем. Тут небольшое болотце.

Пока собирали людей, приехали, а попа и след простыл.

КАК ИЕРУСАЛИМСКИЕ СВЯТЫЕ ЧЕРЕЗ ПЕЧЬ ДОРОГУ ПРОЛОЖИЛИ

Жил был один мужик. Пошел он чумаковать, а жена дома осталась.

Привадила она к себе попа, дьякона и дьяка. Вот раз приходит дьяк, стали они гулять, а идет дьякон.

— Спрячь меня куда-нибудь, — говорит дьяк.

— Полезайте на печь.

Завесила она его там полотенцем, пустила дьякона. Снова гуляют. Идет поп.

— Куда ты меня, — говорит дьякон, — спрячешь?

— Лезьте на печь.

Вот их уже там двое.

Погуляли немного с попом и слышат на дворе:

— Тру! Жинка, отопри!

— Ох, горе мне! Ведь это муж пришел. Лезьте, батюшка, скорее на печь!

Вот уже их там трое.

А муж опять:

— Огпирай, жинка!

А она притворилась такой слабою да больною, что насилу, насилу отперла.

— Что ты, — спрашивает, — так долго не отпирала?

— Да тут, — говорит, — муженек, такое творится, что и не вымолвить никак, да еще к ночи.

— Что ж там такое?

А те на печи, как узнали, так — на утек.
Один:

— Благослови, господи, — да с печи, да в двери.

А другой:

— Благословен, господь бог наш, — да за ним.

А третий за ними следом — в двери.

— Смотри, — говорит жена, — вот как ночью! Люди скажут, что иерусалимские святые через нашу печь дорогу проложили.

— А подай-ка, — говорит, — свечу, я полезу, посмотрю, что там такое.

Влез на печь, а там, в уголке сверчок дырку прогрыз. Он и говорит тогда:

— Господи, твоя воля! Смотри, что значит святые: какая маленькая дырочка, а они пролезают. А дай-ка — говорит, — мне лож, я колышок застрогаю, да забью ее.

ДЬЯКОН И ПОНОМАРЬ

Жила в одном селе вдова. Осталось у нее после мужа хозяйство и денег довольно.

Вот один дьяк и давай к ней подбираться. Украл из церкви ризы, нарядился Николаем-Угодником, да и пришел к ней: голос изменил и говорит:

— Вот, дочь моя, ты сподобилась меня видеть.

Та, известно,—ему в ноги. А он и начал про суету мирскую ей вычитывать. Только не удалось ему сразу денежки выманить.

— Приду,—говорит,—я еще к тебе, в такое и такое время.

Только пришло то время, вдова уж ладаном накурила в хате, как в церкви: поджидает Николая-Угодника.

А в том селе был пономарь. Видно, не дурак был: проведал, как дьяк хочет обморочить.

— «Подожди ж,—думает,—я тебя проучу!»

Только что тот Николай пришел в хату к вдове, он сейчас же нарядился: бороду из льна прицепил, взял ключ с поларшина, что кладовые запирают (Петром нарядился), да и пошел к Николаю-Угоднику.

— Ты,—спрашивает,—кто такой?

— Я—Миколай, угодник божий.

— Как же ты сюда зашел, если я, уходя, рай запер?

— Я,—говорит,— через стену перелез.

Он тогда того угодника за волосы.

— Так вы все будете через перелезать, а мне за вас перед богом отвечать?

Да ключом его по шее, по шее. Так тот угодник едва дверь нашел и больше не приходил.

ЧЕРНЕЦ И ЧЕРНИЦЫ.

Чернец: Помогай, бог, кто вы?

Черницы: Сестрички, божие телички.

Чернец: А я, божий бык, да за вами брык!

ГЛУПЫЙ ПОП

ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ И ДЕРЕВЕНСКИЙ ШИБАРША

Ветером раз царь Иван Васильевич пошел сам гулять и встречу ему попался Шибарша и окликал его:

— Кто-де идет?

И царь Иван Васильевич сказал:

— Я-де московский Скосарь.

И сам его окликал, и Шибарша сказался:

— Я-де деревенский Лабза.

И Шибарша говорил:

— Московский Скосарь, куда идешь?

И царь Иван Васильевич сказал ему:

— Гулять-де иду. А ты-де, деревенский Лабза, куда идешь?

И он сказал ему:

— Я-де воровать иду.

И царь Иван Васильевич спросил его:

— Куда-де идешь воровать-то?

И он сказал ему:

— Я-де в Москву иду.

И московский Скосарь деревенской Лабзе говорил:

— Возьми де с собой воровать.

И деревенской Лабза говорил же:

— Куды-де нам итти воровать-то?

И московской Скосарь говорил же:

— Пошли-де к царю Ивану Васильевичу воровать.

И деревенской Лабза ударил его в щеку и говорил:

— Не думай-де на нашего царя Ивана Васильевича лиха, он-де до нас милостив, поит нас и кормит и всех жалует, пошли-де к главному министру воровать.

И пошли вместе. И Шибарша, пришедши к главному министру на окошко, и слушал, и министр жене своей говорил:

— Жена-де, сделай мне лютого зелья.

И жена ж спросила его:

— На что-де тебе?

И он сказал ей:

— Утре де ко мне государь будет кушать, я-де ему поднесу чашку лютого зелья и он-де выпьет, и ему-де от этого смерть случится.

И Шибарша, вскоча с окна, московскому Скосарю говорил:

— Полно-де, брат, воровать.

И пошли по домам, и московский же Скосарь деревенскому Лабзе говорил:

— Приди-де ты ко мне ко заутрене.

Деревенский Лабза ко заутрене пришел и стали с московским Скосарем вместе, и выпедший архиерей говорил:

— Доселе-де царь Иван Васильевич воров выискивал, а нонче-де сам с ворами знается.

Московский Скосарь деревенскому говорил:

— Надобно архиерею насмешку отсмеять.

И деревенский Лабза говорил же:

— Можно-де отсмеять.

И деревенский Лабза, дождавши ночи, надел

на себя архиерейское платье и взял суму большую и пошел к архиерею на двор; и, пришедши на двор, под окошком стучался и говорил:

— Архиерей-де божий, выгляни!

И архиерей выглянул и спросил его:

— Кто-де тут есть?

И деревенской Лабза сказался:

— Я-де ангел божий; велено-де тебя на небеса взять.

И архиерей говорил же:

— Разве-де я умолил?

И Лабза говорил:

— Умолил-де, архиерей божий!

И архиерей говорил:

— Как же-де ты меня повезешь на небо?

И Лабза говорил же:

— Садись-де в эту суму-то!

И как оный архиерей сел, и оный Лабза поднял его на плечи и понес на колокольню Ивана Великого, и архиерей спрашивал его:

— Далеко ли-де, ангел божий, до неба?

И он сказал ему:

— Недалеко.

И взнес его на колокольню Ивана Великого и с той колокольни в той суме спустил его по лестнице и сам говорил:

— Крепись-де, архиерей божий, первое тебе мытарство.

И как того архиерея по лестницам же на другую сторону перевернул, то говорил же:

— Архиерей-де божий, крепись, второе мытарство.

И потом в третье то ж говорил, и как оной архиерей упал на земь, и оной же Лабза говорил:

— На небе-де ты уж, архиерей божий!

И, взяв его, положил к себе на плеча и пошел к Спасским воротам и на тех воротех в стену вбил железный гвоздь и повесил того архиерея в той суме и написал на той суме: «Деревенской Шибарша». И возле сумы поставил дубину и на той суме написал же: «Кто-де в эвти ворота поедет и на той суме подпись увидит, да ежели трижды по суме не ударит, и тот будет проклят отныне и довеку».

И поутру царь Иван Васильевич, поехавши к заутрени, увидел на той суме тое подпись и взял дубину и стал по суме бить и говорил:

— Я-де не хочу в проклятии быть.

И которые за ним люди не были, то также били; и царь Иван Васильевич, отслушавши заутреню и поехал во дворец домой, и архиерей услышал, что царь Иван Васильевич едет и взмолился:

— Батюшка-царь Иван Васильевич, помилуй!

И царь Иван Васильевич спросил:

— Кто-де есть в суме?

И он сказал ему:

— Я-де архиерей.

И царь Иван Васильевич говорил же:

— Зачем-де ты сюда зашел?

И он сказал ему:

— Приходил-де ангел с неба и сказал-де то, что велено меня на небеса взять к богу, и я-де спросил его: «умолил-де я, что ли?» и он-де мне сказал, что «умолил, архиерей божий», и я-де его спросил: как-де ты меня понесешь на небеса?» и он-де мне сказал: «садись в эвту суму» и понес-де меня, я-де теперя не знаю где.

И царь Иван Васильевич сказал ему:

— Ты-де теперь в суме-та на Спасских вортах висишь!

И он взмолился ему:

— Помилуй-де меня, батюшка - царь Иван Васильевич!

И он его из сумы вытащил и посадил его в коляску и послал его домой, и он домой приехал и, пожив дома три дня, умре.

ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ

Были-жили прежде поп с попадъей. Держали прислугу. У попа стал живот расти, и несколько месяцев у него растет, и вырос большой.

Сказали попу, что есть лекарка недалеко, так она отгадывает, какая боль в ком. А только надо помочиться, она узнает по моче.

Он помочился в горшок. Это работница и понесла к лекарке в горшке. Шла дорогой несколько времени и пролила эту мочу, и стала плакать:

— Как буде мне к попу явиться?

На это время увидела, что корова мочится. Она взяла этот горшок, тут и подставила. С этой мочей к лекарке явилась.

Лекарка и спрашивает ее:

— Што это, неужели моча попова?—лекарка говорит.

Она говорит:

— Право, право, это попова,—говорит.

— Так вашему попу надо скоро родить быка (корова была грузная).

Она и воротилась назад к попу с этими словами и говорит попу, что:

— Вам, батюшка, надо родить теленка, быка.

Попу это было очень стыдно, и говорит:

— Попадья, ты приготовь мне с утра,—говорит,—хлеб, а я уйду от своего места, мне будет здесь родить стыдно.

Ну, она приготовила хлеб, он и ушел.

Но и шел путем, увидел — мертвое тело лежит. У мужика сапоги были хорошие. А у него топор с собой случился. Он ноги и отрубил, в котомку их и положил.

Ну, и приходит на ночлег в большое семейство. Выпросился поп тут к ночи, и положили его спать на прилавок. И он спал очень крепко, ничего ночью не слышал.

А у этих у хозяев на то время телилась корова, принесла быка. У них в хлеве было холодно.

Они этого быка вынесли на печку, положили греться.

А поп не слышит ничего, и сами хозяева заснули очень крепко, а этот теленок с печки упал, да к попу на прилавок, и давай попа под зад носом тыкать.

Поп пробудился от этого, спичку чиркнул, осветил и поглядел.

— Слава богу, — говорит, — я хоть не в своем месте родил.

Поп встал тихонько, глаза перекрестил, из котомки сапоги вынул, на печку и положил, а сам — котомку за плечи, да тихонько ушел: хозяева не слышали бы. Поп и ушел.

По утру встали хозяева, и попа нет. Увидели на печке одни ноги поповы. То и думают: одни ноги поповы остались на печке, думают, что теленок съел попа.

Хозяйка крикнула мужиков, что:

— Убейте теленка, теленок попа съел.

— Мужики сразу и убили, и всему семейству говорят, что:

— Никому не разносите, что телевок этакой был: попа съел.

А поп домой прибыл с радостью, к попадье своей, что:

— Вот,— говорит,— лекарка правду отгадала...

Рассказывает свое путешествие.

РАБОТНИК И ПОП

Кобылье яйцо

Был у попа работник. Ходил он в лес дрова рубить. Нашел он дождевик. Приносит его домой и показывает попу.

Поп спрашивает его:

— Что такое?

— Это, батко, кобылье яйцо.

— Какое такое кобылье яйцо?

— А из этого яйца можно выпарить жеребенка.

— Как же его выпарить?

— А как курица на яйцах сидит: четыре недели надо сидеть на нем.

И посадил попа на печь.

Время уже доходит — четыре недели. А работник и подумывает:

— Что делать?

Знает, что из дождевика жеребенка не будет.

Пошел он в лес и поймал как-то зайца. Заходит на печь к попу и говорит:

— Батко, поворотись-ко: наверно, скоро выйдет жеребенок!

Поп пошевелился, — дождевик лопнул. А он в то время зайца и отпустил (поп не видел); а дверь была отперта: заяц прямо и побежал

на улицу. Они оба за ним побежали, ловить его. Поймать не могли: заяц, так заяц.

Поп и говорит:

— Ох, работник! Наверно, — говорит, — хороший жеребенок был: задни ноги у него длинные.

— Да, батько, — говорит, — наверно, хороший.

СКАЗКА ПРО ПОПА

Жил-был поп. У этого попа была жена красавица. Поп и говорит:

— Баба, я тебя запру в подземелье, а то неравно кто-нибудь тебя утащит еще.

Поп запер ее в подземелье.

Приехал в этот город корабельщик и пристал к старухе на квартиру.

Корабельщик и гово, ит:

— Где бы мне невесту выбрать, старушка?

Старуха и говорит:

— У попа есть хорошая жена.

Корабельщик и говорит:

— Как бы ее достать?

— А вот завтра, как батюшка уйдет в церковь, я пойду к ней.

На другой день старуха пошла к попу. Пришла. Поп и говорит:

— Останься с моей женой, ей скучно.

Старуха согласилась, и поп запер их вместе, а сам ушел.

Старуха и говорит:

— Матка, на тебе жених сватается.

Матка и говорит:

— Какой?

— Корабельщик.

Матка сказала:

— Ладно.

Пришел поп и отпустил старуху домой.

Вот старуха сказала корабельщику:

— Прикажи своим работникам, чтобы они выкопали подземельный ров: из моего подпола прямо к попадье под кровать.

Корабельщик приказал своим работникам — те живо выкопали. Вот старуха пошла и зовет попа к себе на свидание:

— Я в лесу Машеньку нашла. Походит на твою матку. Корабельщик женится на ней.

Поп и говорит:

— Я один себе приеду, а матку не приведу: у меня, пожалуй, кто-нибудь ее сглазит.

Поп пошел со старухой на свиданье, а матка переделась и вперед его ушла.

Поп пришел и видит, что его жена. Он говорит:

— Господа, это моя матка!

А те и говорят:

— Что ты, батюшка, какая твоя матка?

Он побежал скорей домой. А матка по рву убежала вперед его, переделась. Поп пришел и кричит:

— Матка, ты дома?

— А я куда уйду? Ты чего, с ума сошел? Я спала, ты меня испугал.

На другой день старуха опять приходит:

— Батюшка, свенчайте Машеньку с корабельщиком.

Поп сказал:

— Ладно, свенчаю.

И пошел. А матка по подземельному рву вперед его убежала. Одедась, и пошли в церковь.

Поп стал венчать и говорит:

— Господа, это моя matka.

Корабельщик и говорит:

— Какая твоя?

Свенчал их поп. Они сели в карету и уехали на корабль.

Поп побежал бегом домой и стал кричать жене. Ее уж нету. Он побежал к кораблю, но корабль уж поехал. Старуха стоит на берегу и раскладывается с новобрачными.

Поп прибежал и давай лупить старуху. Потом бросил старуху в воду, а старуха и его с собой потащила, и оба утонули.

ПОП И ПОПАДЬЯ

Вот были поп и попадья. Жили они, были богаты. У них был работник. Этот работник ездил пахать ниву. Его очень морили на работе.

«Как бы мне у попа попадью утащить?»

В келье жил сапожник Тимофей. И пошел к этому сапожнику работник и давай ему говорить.

— Как нам изловчиться да попадью у попа унести?

— Сапожник и говорит:

— Есть у вас работницы?

— Есть работницы.

— Квашню ставят?

— Ставят.

Растворилась квашня ночью, расходилась, пришел к попу работник. Заспорил поп с работником о ста рублях. Работник говорит:

— Унесу у тебя попадью ночью.

А поп сказал:

— Унесешь — я сто рублей тебе дам, а не унесешь, живи четыре года бесплатно у меня.

— Ну и ладно.

Побились и богу помолились поп с работником. Прошел день, ночь подошла. Работник припас горшок смолы. Потом взял молотильщиков, которые там были. Смолы на голову намазал молотильщикам и другому работнику. Все головы их слиплись. Две поновны были у попа, две

дочки. Этим поповнам положил рабогник кошку. А попу с попадьею на перину вылил квашню. Не слышали они, спали. Тимошка же смотрит, когда что будет. Попадья проснулась, видит сыро на перине.

— Это ты обмарался, — говорит, — попадья?

— Нет, ты.

И спорят. Потом поп закричал:

— Работники, идите сюда, огня давайте.

Работники закричали:

— Батька, он меня держит за волосы.

Другой кричит:

— Нет, он меня держит.

А работницам попадья закричала:

— Вы хоть, подлянки, встаньте, давайте огня.

Подлянки кричат:

— Она меня держит.

— Нет, она меня.

Дочкам закричала:

— Дочки, вы хоть встаньте, если другие не встают.

А дочки кричат:

— Маменька, нам нельзя, сестрица родила.

Вторая сестра кричит:

— Нет не я родила, маменька, другая сестра родила. Попа с попадьею лежит, облипли квашней. Поп матке говорит:

— Принеси воды.

— Нет, — говорит матка, — ты лучше принеси воды, поп.

Поп и пошел. Подрясник натянул и пошел. Тимошка и посматривает. Другим ходом вошел. Тимошка посадил попадью на плечо и понес. Она думает, что поп понес ее замывать и кричит:

— Тихонько, папа.

Папа и голосу не подает. Понес в келью. Келья далеко от дома. Потом принес в келью. Сторожиха блины печет. Посадил попадью за стол блины кушать. Кушает попадья блины.

Поп вошел с огнем и водою в спальню, а попадьи нет:

— Куда у меня попадья ушла?

Видит, смолою залиты работники.

— Это подлец Тимошка насмеялся над ними.

Потом подошел к работникам — все залиты смолою. Теребят волосы и стригут ножницами. К дочкам подошел. Кошку в руках держат.

— Что же это у вас кошка?

— Это кошка! А мы думали, — детей родили!

— Куда мне деваться, — говорит поп, и работника нет.

А работник сидит в келье и смеется: принесет поп сто рублей, дадим попадью, не принесет, не дадим.

Поп приходит. И говорит:

— Как ты у меня увес попадью? Как ты это сделал?

— Мы неуговаривались, каким путем, — отвечает работник, — давай сто рублей. Поп принес сто рублей.

— Изволь, работник, сто рублей. Дай попадью. Опромашка бывает на Машку!

Обманули попа.

Вам сказка, а мне денег котомашка.

ПОП И РАБОТНИК

Поп с работником спорил. Поп говорит:

В моем приходе изо ста мужиков найдется ли нет ли, трое не дураков?

А работник говорит:

— Нет,— говорит,— бачко, изо ста попов найдется ли, нет ли трое не дураков?

Поп говорит:

— Да неужто,— говорит,— я дурак?

— Не знаю,— говорит,— как,— говорит,— прихожане похвалят тебя?

Разговаривали, разговаривали, потом залог положили по четвертной: мужиков похвалят, или попов?

Попу пришло письмо—в другое село (звали) в гости. Поп работнику велит лошадей закладывать.

— Запрягай вземчату повозку¹, — говорит.

Едут лесом. Увидали корень дерева, а сквозь мох месяц светит. Работник туда указывает:

— Бачко,— говорит,— смотри-ко: медведь то.

Поп взглянул.

— Заворачивай лошадей-то, — говорит.

Работник завернул лошадей обратно домой.

Поп говорит:

— Подымай вземчату повозку.

¹ Вземчата повозка — с подъемным верхом.

Работник поднял взъемчату повозку. Внесет арапник-то, там по коже — то и шуршит.

— Бачко, — говорит, — ведь медведь-то уж на дрогах.

Как поп выскочил изо взъемчатой повозки, да вперед лошадей. А работнику смешно.

— Бачко, удирай, удирай! — говорит.

А поп бежит, что есть мочи.

Приехали в село.

— Давай, работник, отпирай белое крыльцо.

Работник отпер.

Поп побежал по лестницам. А у него против дверей-то наверчено сверлом, вставлено стекло и скобы прибиты медными гвоздями.

Работник схватил попа за подол:

— Гли-ко, бачко, — говорит, — ведь, гли-ко! Медведь-то ведь на крыльце уж! Гли-ко, — говорит, — медвежьи-то глаза сияют.

Поп повернулся, да к сторожам:

— Бейте, — говорит сполохи: у нас, — говорит, — несчастье в селе.

Сторожа ударили в набат. Прихожане собрались. Работник рассказал прихожанам:

— Так и так у нас дело случилось.

Прихожане попа называли дураком. Поп и сделался дурак.

Вот тебе и хвастал; что: «изо ста мужиков найдется ли, нет ли трое не дураков?».

ПОП И ЦЫГАН

Вот пришел цыган к попу, нанимается сено косить.

— Найми меня, батька, сено косить. Я мастер, — говорит, — косить.

— Наймись, — говорит, — цыган. У меня большая пожня есть. У меня за два рубля косят пожню.

— Батька, говорит, — давай мне теперь пищу; давай, — говорит, — хлеба, мяса, масла. Далеко мне ходить, а я буду там на пожне.

Поп наклал ему хлеба, пирогов, свинины, масла, муки на кашу. Ну вот, — он ему наклал котомку большую, так что едва попер цыган. Вот привел поп цыгана на пожню.

— Вот, — говорит, — цыган, моя пожня.

— Эй, батька, я эту пожню быстро смахну. Ну, вот, — говорит, — отправляйся теперь, поп, домой, а я буду косить.

Поп ушел. Цыган сделал себе шалашик, расклат огонек и начал там варить мясо, кашу. Наварилось. Начал опять варить. Наварил. Наелся и опять спать. Вот когда он все это поел, видит, что жить у попа ему незачем. Пошел к попу расчет просить.

— Батька, — говорит, — давай расчет. Я пожню смахнул всю.

— Ну, что ж.

Поп отдал два рубля ряженому. Цыган и говорит:

— Батька давай прибавку, пожня большая, меня, — говорит, — замучила.

— Нет, — говорит, — сынок, не прибавлю и так дорого дал.

— Так не дашь, — говорит, — батька?

— Не дам, — говорит.

— Не дашь, — говорит, — прибавку?

— Не дам, — говорит.

— Ну, когда же ты не дашь ты мне прибавки, так — говорит, — стань трава по-старому!

Так и ушел. Поп приходит на пожню: трава не скошена.

— Надо бы дать прибавку.

А трава-то так и не была скошена.

ДУРАЧОК

Жили в одном селении три брата: двое умных, а третий, Ванюшка, дурак. Братья Ивана-дурака хотели извести со света.

У соседа их, Тимохи, было много посеяно репы, которая и была в осеннее время сложена на зиму в глубокую яму, которая еще не была засыпана землею.

Братья Ивана-дурака послали к этому Тимохе воровать репу. Он не отказался и пошел, а сам им велел приходить с мешками.

Подойдя к яме, Иван-дурак влез туда и стал репу разбирать по сортам: которая побольше — себе за пазуху, а поменьше — братьям. И говорит:

— та — брату, эта — другому, а эта мне.

В то же время захотелось и соседу их Тимохе репы, и он послал жену свою. Она приходит к яме и слышит — кто-то в яме говорит:

— Эта — брату, эта — другому, а эта-мне, мне.

Жена испугалась, пришла к мужу и говорит:

— Это — брату, это — другому, а это — мне, мне.

Мужик, не медля, сразу же сапоги на ноги и к приходскому священнику. У них в деревне была приходская церковь.

Приходит к нему и говорит, что у него в яме чорт репу считает. И просил его, чтобы он пришел к нему выгнать чорта из ямы.

Поп сперва отказывался, что грязно идти, да и ночное время. А у попа-то в то время и сапог не было, потому он и не хотел. Тимоха же стал просить усерднее и говорит:

— Я тебя снесу на крукишках.

На что он и согласился.

Мужик взял попа на крукишки и понес к яме. Дурак слышит и думает, что его братья идут с мешками за репою, и говорит:

— Что, пришел, Тимоха?

Отвечает:

— Пришел.

— Что, принес?

— Принес.

А поп думал, что его Тимоха хочет всагить в яму к чорту. Устрашившись, соскочил с крукишек Тимохи, побежал в одних чулках по грязи домой. Тимоха, устрашившись, — за ним. А дурак, набравши полную пазуху репы, возвратился домой опять спокойно, и никого не боялся.

СОЛДАТ НА ИСПОВЕДИ

Исповедуется солдат и слышит, что у батюшки часы тикают. Он взял, да и украл их.

— В чем ты грешен?—спрашивает батюшка.

— Да часы украл.

— А ты отдай.

— Извольте,—говорит.

— Нет, не мне, а тому, у кого украл.

— Да я отдавал, так не берет.

— Ну, так прощается,—говорит,— и разрешается.

ПОП И БОСЯКИ

Идут улицею два босяка, а навстречу им поп. Они и заметили, что у попа хороший посох с серебряным набалдашником. Вот и сговариваются, как бы им его отобрать. Один прикинулся пьяным, да и лезет на попа:

— Благословите, — говорит, а сам его головой в грудь.

Поп подался назад. А трезвый начал отгаскивать пьяного, да нечего не может сделать с ним.

Дайте, — говорит, — батюшка, вашу палку, вот я его благословлю сейчас.

Поп и дал.

Как он огрел пьяного этой палкой, тот — ходу, этот за ним. А поп ждал-ждал, да так ни с чем и пошел.

В другой раз доглядели они, что у попа хорошие сапоги на ногах. Как бы им их снять? Вот и заспорили. А поп подошел, да и спрашивает:

— Чего вы?

— Я говорю вот, что у всякого батюшки на правой ноге шесть пальцев, а он мне не верит.

— Нет, — говорит поп, — пять.

А покажите.

Тот и разул правую ногу.

Посмотрели—пять пальцев.

— Эх, — говорит босяк, — я забыл: на левой шесть, а на правой пять.

Поп им и левую ногу разул.

Они схватили сапоги, да бежать.

САПОГИ ДЛЯ ЛЕШЕГО

Рассказ катанщика

(Мы катаем валенки, так бабы домогаются:

— Расскажи-ко, катанщик, сказочку.

— Вот бабушка, мол, не сказка, а быль).

Я катать раньше не умел валенки-то. Ходили, ходили мы с Гришкой, никто нам не дает катать валенки.

Идем Черновским селом — один с колодками, а другой с лучком и с битком.

Поп увидел в окошко нас и подозвал:

— Што вы, — говорит, — катанщики?

— Катанщики.

— Вы можете ли скатать войлок мне?

— Как не можем?

— А где же станете катать?

— Батюшка, мол, на кухне-то неловко, так в бане у вас хорошо, можно в бане.

Шерсти навесил полпуда, и ушли в баню.

Разбили шерсть и думаем:

«Подстилка у нас мала (для валенок невелика ведь подстилка), а войлок большой. Надо бы выпросить нам половик или чего-нибудь, да мы не сообразили».

Я подумал, подумал, чего нашивать на подстилку, и увидел: на кухне висит зипун. Принес зипун, нашил на подстилку и давай катать.

Катали-катали, зипун вкатали в войлок.

Вкатали зипун и думаем:

— Чего делать станем мы? Поп увидит—за зипун надо платить да за войлок.

Подумали:

«Давай, убежим».

Бежать неудобно воровски—могут поймать и забрать снасть нашу. И порешили на том: сходиться к батюшке.

Выдумали, будто мы спорим: я с лучком и с битком, а он с колодками, побежим. Он спорит, что:

— Я тебя догоню.

А я:

— Не догнать.

Пришли к попу и говорим:

— Батюшка, мы выдумали водки напиться.

— Как, — говорит, — водки напиться? Чего у вас выходит, какое дело?

— А вот он говорит: с лучком я тебя поймаю, с котомкой бежит. А я — что не поймать меня. Ударили по рукам и пошли за ворота, у меня котомка за плечами, а у него лучок на плече.

Поп в окошко глядит:

— Маленький, не поддавайся! не поддавайся!

А поп-то любитель до водки-то сам был. Думал, что и ему попадет.

Вот я и побежал.

— Маленький, убирайся скорее!

А у нас уговор был:

— Как станешь набегать меня, ты (задний-то) и приупади, я и отбегу вперед.

Так и убежали из виду вон, от попа.

Там неизвестно, у попа чего и было после.

ПОП НА СЛУЖБЕ

ОТЕЦ ПАХОМ

В одном приходе не было попа. Собрались миряне попа выбирать. Выбирают из мужиков, а тут пришел мужичок Пахом. Все миряне:

— Ну, Пахом, быть тебе попом.

— Ну, что ж, быть так быть.

Ну вот его и выбрали этого Пахома, он и говорит:

— Ну, миряне, слушайте, православные. Сегодня суббота, а завтра воскресенье. Приходите к службе.

— Слушаем, батюшка.

Вот и отправились к обедне миряне. Пришли в церковь. Народу нашло много — надо послушать, как новый поп будет обедню служить. Ну, вот и поп пришел в церковь. Вошел в алтарь, надел ризу. Вот и вышел из царских ворот и говорит:

— Слушайте, миряне. За что поп, за то и приход.

Миряне отвечают:

— Слушаем, батюшка.

Вот сторож подает ему кадило, углей много, так кадило и горит. Взял поп кадило и начал махать. Махал, махал. У него уголье каменое выскочило из кадила, да прямо в голенище. Пошел поп стучать ногами. Он топчет, и миряне все топчут ногами. Уголье дальше

забирается. Ничего ему не сделать. Хлоп наземь, ноги кверху и лягает ногами, и все миряне хлопнулись на землю, и все залягались.

Один мужичок вышел из церкви, а другой идет в церковь. Ну, и спрашивает его.

— Али уже отошла служба?

— Нет, не отошла. Топанье-то отошло, а теперь — ляганье.

ПОП ПАХОМ

Один приход без священника все жил. Крестьяне и выбрали мужичка искать попа. Ну, пошел мужичок, и попался ему навстречу старичок.

— Как тебя зовут, старичок?

— Меня зовут Пахом.

— Так будь у нас попом!

Ну, он и согласился. Дом ему выстроили. Ну, он из дому, конечно, выписал жену и детей. Дети у него работой занимались, хозяйством. У церкви земли покосной было много. Они заживали да денежки наживали. Пахом нажил капитал большой. Надо обедню служить. Народа собралось много—слушать нового попа. Он обедню так служил: взял большую книгу, кверху поднял:

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Не знаем, — отвечают ему.

— Не знаете, так и нечего сказывать!

Второй раз и говорят:

— Ну, ребята, как поп сделает, скажем, что знаем.

Опять взял поп большую книгу, кверху поднял.

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Знаем!

— Ну, а знаете, так нечего и сказывать!

Недовольны миряне попом, что худо служит. Стали роптать прихожане. Третью обедню стал служить. Много пришло прихожан — обедню

слушать. Третью обедню начал Пахом служить с решетом. Поднял решето кверху и начал распевать:

— Тут дыра и тут дыра, тут дыра и тут дыра, тут дыра и тут дыра.

Потом и говорит:

— Ну, дьячок, запирай двери на крючок, будем всю неделю служить.

Прихожане испугались, все из церкви разбежались: испугались, что долго. Прихожане уговорились, что надо прошение подать архиерею, что поп худо служит. Архиерей отписал, что на такое-то время приеду на ревизию. Архиерей приехал с певчими и с протодиаконами. Собрались прихожан много. Архиерей заставил обедню служить отца Пахома. Архиерей пошел вместе слушать с певчими, с протодиаконом. И мужики пошли слушать, как при архиерее будет служить. Начал обедню служить:

— Преосвященнейший владыко! Возглас первый: служу при сей церкви двенадцать лет и составил капитал двенадцать тысяч. Вам жертвую шесть тысяч и протодиакону пятьсот рублей, певчим триста рублей. Поехал мужик на мельницу, навалиша большой воз, и смутишася кони его, и бысть глас с небесе: пррру!

Певчие и подхватили:

— Слава тебе, господи, слава тебе!

Архиерей вышел и говорит:

— Миряне, поп-то ничего служит!

— Это при вас хорошо, а без вас плохо.

— Нет, пусть служит. Нельзя хаять.

БЕЗГРАМОТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Деревня была безграмотна: поп безграмотный, дьякон безграмотный, да и дьячок безграмотный. А церковь была, приход, — служили (так!).

Прознал архиерей. Поехал любопытствовать. Приехал к попу на квартиру, поп и побежал к дьякону.

— Вот беда! — архиерей приехал. Как мы служить станем?

А дьякон сказал:

— А как-нибудь, сделаем как-нибудь.

Поп сказал:

— Ты то пой, что я буду.

Дьячок сказал:

— Мне уж надо свое петь на клиросе, не с вами.

Поп сказал:

— Что знаешь, то и валяй.

Затем обедню зазвонили, поп и пошел к обедне, архиерею и говорит.

— Владыка, благослови!

— Бог тебя благословит. Поди, служи.

Поп пришел в церковь, надел ризу, затем архиерей идет.

Архиерей пришел, в алтарь встал.

— Ну, начинай, служи.

Поп и запел, голос громкий:

О-о-о! Из за острова Кельястрова
Выбегала лодочка осиновая,
Нос-корма раскрашенная.
На середке гребцы-молодцы.
Ту́ра-ма́ра и па́ра. ¹

Дьякон тоже запел:

О-о-о! Из-за острова Кельястрова
Выбегала лодочка осиновая (и пр. до конца).

А дьячок на клиросе:

Вдоль по травке, да вдоль по муравке.
По лазуревым цветочкам.

Архисерей вышел, да рукой махнул:
— Служите, как служили.
Да и уехал прочь.

¹ Большое значение имеет в сказке мотив слов попа, и дьякона.

ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА

Выходит дьякон. Становится на амвон, а поп и говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ко в окошко, не идет ли кто, не несет-ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, пехтус масла несет!

А дьячек поет:

— Подай, господи!

Поп опять:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ко в окошко, не идет-ли кто, не несет-ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, четверть ржи несет!

Дьячок опять поет:

— Подай, господи.

Поп опять говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри в окошко, не идет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Идет мужик, несет дубину на поповскую спину.

Поп и дьячок поют:

— Тебе, господи!

ПОП И ДЬЯКОН

Жили-были поп да дьякон.

Приход бедный был: не во что ни обуться, ни одеться и в головах положить нечего. Вот и придумали они, где бы на сапожишки добиться.

Дьякон говорит:

— Давай-ка, поп, я буду воровать, а ты будешь воровать.

Поп и говорит:

— Чего будешь воровать?

— Лошадей. В лес буду их прятать. Ты будешь деньги брать, про лошадей рассказывать.

Вот дьякон пошел ночным бытом, троечку спер и в овраг их отвел.

— Ну, поп, я троечку спер и в овраг отвел. Пришлю к тебе мужиков. Ты будешь гадать, по черной книге читать, по сотне рублей денег брать. Чур, деньги пополам!

Вот дьякон увидал мужиков, у которых лошадь украл, и рассказал им все.

— Идите к попу: он вам про лошадей погадает.

Мужики обрадовались, скорехонько к попу собирались.

— Ох, ты, батюшка, отец духовный, ты видишь свет. Не знаешь ли, где лошадей наших след?

— Ничего, друзья, не знаю, разве в черную книгу погадаю — все узнаю. Придите на утро.

Пришли они на утро, сказал поп:

— Ну, мужички, ваши лошади в лесу. Дорогу только я вам не скажу: давайте сотенку рублей.

— Сотенку дадим, только путь-дорогу расскажи, до коней нас доведи.

Мужики сотенку вынимали, алчному попу в руки давали. Сотенку поп взял, про лошадей им рассказал.

— Идите в поле. Лошади в рове стоят, аржану соломушку едят.

Мужики в поле пошли и лошадушек нашли.

Завтра праздник-воскресенье. К обеденке дондон.

Вот пришли добрые люди к обеденке, стали богу молиться, Христу-спасу поклониться.

Обеденка отошла. Дьякон лист бумаги берет, новую проповедь читает:

— А послушайте, миряне, что я вам буду читать: у нас приход-от бе-е-дный, корми-и-ться нам нечем. Дьякон собирал-ся лошадей во-ро-вать, а попу-то велел во-ро-жить. Слышите-ли, миряне? Не все ли вы с дырами? И спер дьякон тройку ло-ша-де-ей; отвел в о-враг, по-пу то ска-за-ал. Он в черной книге у-зна-а-л, а с мужиков сотню рублей взял и про лошадей рас-сказал.

А поп-то и говорит:

— Сказал, ду-р-а-ак, ду-р-а-ак дьякон, не вся лю-ди бя-кай, знай ты да я. И обедня, бра-тие, вся-я!

СОЛДАТ МОЛЕБЕН ЗАКАЗЫВАЕТ

Заказывает солдат молебен, а дьяк и спрашивает.

— Какой тебе, с акафистом?

— Да не дюже закатистый, так копеек на десять.

ЦЫГАН ОТЦА ХОРОНИЛ

Умер у цыгана отец. Он и пошел к попу:

— Похороните, батюшка, моего отца: лежит на лавке, как спаситель, бороду распустил, брови черные, как нарисованные: желтый, как воск, ладаном и пахнет.

Запросил с него поп десять рублей.

— За что? За ту стерву, за ту подлюку? Лежит на лавке, как головешка. Зубы ощерил, как бешеная собака. Вот что, батюшка, я тебе отцовское тягло отдам.

Поп думал, что это какая-нибудь скотинка, и похоронил.

Вот и требует плату.

Выносит ему цыган большую трубку.

— Вот, батюшка, отцовское самое лучшее тягло: все тянул, тянул, сердешный, пока зубы не сцепил.

СЛИШКОМ ДОБРЫЙ ПОП

Был в одном селе поп, да такой добрый, да разумный, что и сказать нельзя. (И где он такой уродился, не знаю). Часто он нас поучал своими проповедями.

Один раз он начал нам рассказывать, да так-то хорошо, что мы слушали-слушали, да давай плакать.

А батюшке стало нас жаль. Посмотрел он на нас сквозь очки, да и говорит:

— О чем же вы плачете? Чего же вы плачете? Может, это еще все и брехня!

Промолвил аминь, закрыл книжку и пошел в алтарь.

ОТКУДА ПОП

Бог хотел из человека сделать льва.

Вот он сделал косматую голову, с длинными волосами, с большими зубами. Да и спохватился: что у него только две ноги. Где еще взять две? Вот он думал-думал, да и говорит:

— Ну, не будешь же ты львом, а будешь попом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ СЛОВ

Баско — нарядно.

Биток — им ударяют по лучку при взбивании шерсти.

Вземчатая повозка — с подъемным верхом.

Вязочка — веревка.

Казак — работник.

Катанщик — выделыватель войлока.

Кережка — сани без оглобель.

Клюка — кочерга.

Крукишки — закуорки, верх спины.

Лучок — небольшой лук с тетивой для взбивания шерсти.

Пехтус — ком пахтанного масла.

Порато — очень.

Рядной — из ряднины, грубого холста.

Секчи — сечь.

Ссоваться — соскочить.

Сразиться — прыгнуть.

Сузда — суздальский богомаз.

Щекатур — штукатур.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

- А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, 1-е изд. М. 1855—1864 гг., в 8 вып.; 4-е изд. под редакцией А. Е. Грузинского, М., 1913—1914 гг. в 5 томах.
- А. Н. Веселовский, Сказки об Иване Грозном. «Древняя и новая Россия», 1876 г., №4.
- М. Драгоманов, Малорусские народные предания и рассказы, Киев., 1876 г.
- Заветные сказки, 2-е изд. Валаам. Год мракобесия. Женева.
Русская типография. (Издано анонимно А. Н. Афанасьевым).
- Записки Красноярского Подотдела Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества по этнографии, т. I, вып. 1, Краснояр, 1902 г.
- Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губернии, Петроград, 1915 г.
- И. И. Манжура, Сказки и пословицы и т. д., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. Харьков, 1890 г.
- Е. Р. Романов, Белорусский сборник, вып. 4, Витебск, 1891 г.
- А. К. Сергпутовский, Сказки и рассказы белоруссов-полянцев, СПб, 1911 г.
- А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок Архива Русского Географического Общества, вып. 1 и 2, Петроград, 1917 г.
- Борис и Юрий Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, изд. Академии Наук, М., 1915 г.
- И. А. Худяков, Великорусские сказки, вып. 2, М., 1861 г.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О РУССКИХ СКАЗКАХ

- Борис Соколов, Русский фольклор, в. 1 и особенно 2, изд. Бюро Заочного Обучения при 2 МГУ, М., 1929—30 гг.
- С. В. Савченко, Русская народная сказка. История собирания и изучения, Киев, 1914 г.
- Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929 г.
- Н. Л. Бродский, Н. А. Гусев, Н. П. Сидоров, Русская устная словесность. Темы. Библиография. Программы для собирания.
- Борис и Юрий Соколовы, Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности, М., 1926 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Ю. Соколов.— Сказки о попах	7
-----------------------------------	---

П О П И Р А Б О Т Н И К

Как поп работников морил (Соколовы, 53)	37
Добрый поп («Заветные сказки», XXXIV).....	43
Попов работник (Худяков, в. 2, 71)	45
О том, как ксендзы вылечились (Сержпутровский, 35).	49

Ж А Д Н Ы Й П О П

Бог и поп (Романов, в. 4, 58).....	53
Завистливый поп и Николай-чудотворец (Соколовы, 101).....	56
Поп и Николай-чудотворец (Ончуков, 41)	62
Клад (Афанасьев, в. 144)	67
Жадная попадя (Драгоманов, 47).....	72
Старичок Осип и три попа (Соколовы, 87)	74
Жадный поп («Заветные сказки», L)	94
Похороны козла («Заветные сказки», LVIII).....	97

П О П Л Ю Б О В Н И К

Иван и Марья (Соколовы, 56).....	103
Иван Иванович (Ончуков, 256).....	109
Мужик, баба, поп, дьякон и цыган (Драгоманов, 50)	113
Дьяк Тит Григорьевич (Драгоманов, 51)	118

Стр.

Как волки в хате завелись (Манжура, стр. 91—93)...	126
Поп и казак (Соколовы, 147)	131
О попе и его работнике Миколке (Записки Крас- нодарского п/о, стр. 30—32).....	137
Поп-исповедник (Ончуков, 138)	142
Поп, ржет как жеребец («Заветные сказки» LXIX).....	146
Поп, молодица и цыган (Манжура, стр. 93—94)...	151
Как иерусалимские святые через печь дорогу проложили (Манжура, стр. 94).....	154
Дьякон и пономарь (Драгоманов, 48).....	156
Чернец и черницы (Драгоманов, 54).....	158

Г л у п ы й п о п

Царь Иван Васильевич и деревенский Шибарша (Веселовский)	161
Поп теленка родил (Ончуков, 142).....	166
Работник и поп (Зеленин, 130).....	169
Сказка про попа (Смирнов, 357).....	171
Поп и попадя (Соколовы, 52).....	174
Поп и работник (Зеленин, 49)	177
Поп и цыган (Соколовы, 19).....	179
Дурачок (Смирнов, 110).....	181
Солдат на исповеди (Манжура, стр. 110)	183
Поп и босяки (Манжура, стр. 107).....	184
Сапоги для лешего (Зеленин, 54).....	186

П о п н а с л у ж б е

Отец Пахом (Соколовы, 12)	191
Поп Пахом (Соколовы, 83)	193
Безграмотная деревня (Ончуков, 63).....	195

	<i>Стр.</i>
Церковная служба (Ончуков, 262)	197
Поп и дьякон (Садовников, 43).....	198
Солдат молебен заказывает (Манжура, 109)	200
Цыган отца хоронил (Манжура, стр. 114).....	201
Слишком добрый поп (Драгоманов, 42).....	202
Откуда поп (Романов, 16).....	203
П р и л о ж е н и я:	
Словарь местных и технических слов	207
Указатель источников	208
Основная литература о русских сказках.....	209
